

Рони Ротэр

Мошки в янтаре

У каждого своя правда. Уросс. Порванное ожерелье

Рони Ротэр

**Мошки в янтаре. У каждого
своя правда. Уросс.
Порванное ожерелье**

«Издательские решения»

Ротэр Р.

Мошки в янтаре. У каждого своя правда. Уросс. Порванное ожерелье / Р. Ротэр — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834129-8

Она в одночасье лишилась и своего имени, и своего тела, и своего мира. Теперь её имя — Вайра. В том мире, куда забросила её судьба, ей придется привыкнуть к запаху своей и чужой крови. Ей доведется узнать, что милосердие бывает некстати. А неблагоприятные поступки совершаются не только дурными людьми. Что никакое богатство не успокоит совесть хорошего человека, совершившего дурное дело. А месть как оправдание не искупает ничьей смерти. В ваших руках — вторая книга из трех.

ISBN 978-5-44-834129-8

© Ротэр Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть IV	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мошки в янтаре
У каждого своя правда.
Уросс. Порванное ожерелье
Рони Ротэр

© Рони Ротэр, 2016

© Вероника Ротор, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4129-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть IV

У каждого своя правда

Глава 1

– Ну, и что теперь будем делать?

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Вера всматривалась в расстилающуюся перед ними равнину. Высокие, подсыхающие уже травы, заигрывающие с вольным ветром, изгибались под его невидимыми руками и отливали червонным золотом. В их шелковых дебрях, воздавая хвалу лету и жизни, на разные лады трещали, звенели и стрекотали всевозможные насекомые. Высоко над головами путников, высматривая неосторожную добычу, кружила пара птиц. Закатное солнце слепило глаза, заставляя жмуриться. Далеко впереди виднелся Каргхотай.

Прошло три недели с того дня, как они покинули дом хранителя, и сутки с того момента, как миновали Карнейское ущелье. Троди и Ори, отказавшись даже на несколько минут остановиться у подножия скал, прошли его первыми. Они дождались спутников на другой стороне гор, на безопасном расстоянии от гиблого места. Вера же и эльфы, несмотря на все предостережения, поднялись на площадку над ущельем. По спине пополз холодок, когда Вера взглянула на безмолвные груды камней, на останки нимхийских крепостей, и прикоснулась к их ледяным, несмотря на жаркое солнце, стенам, отдавая дань памяти прошлому. Поскольку близился вечер, все трое здесь не задержались, поспешив убраться до того, как сядет солнце.

И вот они почти у цели.

– Ну, и что теперь будем делать? – Вера оглянулась на эльфов.

– Как только стемнеет, проберемся в селение, – не моргнув и глазом, ответил Сарлис. – Лошадей придется оставить здесь.

– Одних? – взглянул на него огон.

– Нет. С тобой.

– Еще чего! – огон возмущенно задрал бороду. – Почему это со мной?

– Потому что ты спросил, – усмехнулся эльф.

– Раскомандовался! Я пойду вместе со всеми! – Троди набычился.

– Ты своим кряхтением разбудишь всех варнингов в селении. Мы пойдем вчетвером, и даже так нас слишком много. Все, это не обсуждается, – Сарлис отвернулся от огона.

Троди яростно засопел, намереваясь ввязаться в ожесточенный спор по поводу того, кто тут лишний. С первой их встречи многое изменилось в отношениях между огонем и эльфами, видимо, сказывалась древняя и почти неосознанная неприязнь двух народов. Если первоначально Троди смотрел на эльфов как на ожившую сказку, то постепенно его мнение о новых спутниках изменилось в другую сторону. Они стали казаться ему слишком гордыми, слишком холодными, слишком высокомерными. Те, в свою очередь, относились к Троди с легким пренебрежением, считая его приземленным, грубоватым и невоспитанным коротышкой. Все это вызывало некоторые трудности в общении в первые несколько дней пути, но постепенно сложился определенный стиль поведения каждого из участников экспедиции, позволяющий сосуществовать вместе этим до крайности разным личностям. Эльфы в основном молчали, разговаривая только в случае крайней необходимости и только с Верой. Троди всячески демонстрировал неприятие Сарлиса как предводителя, и при каждом удобном случае норовил поддеть эльфа, или затеять с ним перепалку. Сарлис уворачивался от споров с огонем с неизменной ловкостью, чем несказанно его раздражал. Анарниэлль и Ори наблюдали за ними и друг за другом – Анарниэлль с настороженностью много претерпевшей по вине людей, а Ори с ров-

ным спокойствием, не принимая ничьей стороны. А Вера стала чем-то вроде буфера, смягчающим словесные удары, направленные её друзьями друг против друга. Вот и теперь.

– Троди, пожалуйста, – Вера умоляюще взглянула на огона.

– Ладно. Но не из-за того, что он распорядился, а потому, что ты попросила, – огон кивнул и с видом оскорбленной добродетели отошел в сторону. Эльф лишь вздохнул и повел бровями.

Для большей безопасности укрылись за небольшим взгорком. Расседлав и пустив коней пастись неподалеку, стали дожидаться темноты. Костра не разжигали, поужинали извлеченным из седельных сумок вяленным мясом с хлебом, и запили все это водой из бурдюка. Июльский вечер был долог, и ночь не спешила принимать смену у жаркого дня. Ори взглянул на темнеющий небосвод, неодобрительно качнув головой:

– На небе ни облачка. Хорошо бы попасть в дом до восхода луны. В противном случае из нас получатся отличные мишени.

– Страшно? – усмехнулся Троди.

Он развязал кисет и принялся набивать трубку смесью сушеных трав, намереваясь приятно провести ближайшие десять минут, а заодно немного досадить Сарлису. Табак у огона давно закончился, но находчивый огон запасся не менее вонючей травяной смесью. Эльфы не переносили табачного дыма, и огон, быстро взявший это на заметку, старался набивать в трубку побольше сушеного зелья, и смаковать её подольше. Сарлис, сидевший в нескольких шагах от огона, поморщился и произнес:

– Советую тебе отложить это занятие до более спокойного времени.

– Я в твоих советах не нуждаюсь.

– Иногда не мешает послушать кого-то, кто умнее тебя.

– Ты о себе? Ха! В самомнении тебе не откажешь.

– Это не самомнение, а здравый смысл. Как только ты чиркнешь огнивом, сюда пригнётся все население Каргхотай. Ты этого хочешь? Убери.

Огон хмыкнул, вынул изо рта трубку, и, признавая правоту эльфа, с сожалением засунул её в мешок.

Последний раз полыхнули закатные зарницы, и небо из фиолетово-красного стало темно-синим. Одна за другой появились на небе звезды.

– Пора, – поднялся Сарлис.

Вера, Анарниэль и Ори последовали за ним.

– Ори! – негромкий окрик заставил довгара обернуться. Огон, сдвинув густые брови, серьезно смотрел им вслед. – Будь осторожен. И береги девочку.

Довгар не улыбнулся, так же серьезно кивнул товарищу головой, и исчез в темноте.

Пригибаясь и прячась в высокой траве, бегом добрались до окраины селения. В нескольких метрах от крайнего шатра упали в траву. Сарлис раздвинул высокие стебли, окидывая взглядом окрестности и оценивая обстановку. И тут же отпрянул, вжавшись в землю и прижав палец к губам в предупреждающем жесте. В их сторону направлялись трое воинов. Их громкие гортанные голоса заставили Веру сильнее прильнуть к земле, замереть и затаить дыхание. Пальцы нащупали в темноте рукоятку метательного ножа. Вера прикрыла глаза, оценивая расстояние на слух. В их планы не входило убивать кого бы то ни было, но, если дело примет такой оборот, следовало сделать это тихо. Варнинги остановились от затаившихся в траве людей и эльфов всего в четырех шагах. Послышалось журчание, и Вера брезгливо поморщилась. На нужные дела у ненужных людей ушло от силы три минуты, но они почему-то не спешили уходить, лишь переместившись немного левее. Один их воинов завел нудный монотонный бубнеж, двое время от времени вторили ему, подвывая. Время шло, ожидание затягивалось. «Молятся они, что ли?» – раздраженно думала Вера, у которой от неподвижного лежания уже начала затекать спина. Она осторожно повернула голову и встретила взглядом с Сарлисом. Эльф, в глазах которого она прочла то же нетерпение и ожидание, указал взглядом вверх.

Над спящей землей, заливая степь бледным светом, поднимался круторогий вожак звездного стада – серебряный месяц. Вера с досадой ткнулась носом в землю. А варнинги все не уходили. Вера вопрошающе подняла брови, проведя пальцем по рукояти ножа. Эльф отрицательно качнул головой, нахмурившись. Прошло еще несколько минут, и в наступившей тишине послышались удаляющиеся шаги помилованных воинов. Вся четверка с облегчением вздохнула. Подняв голову, Вера увидела три четких, прекрасно освещенных ночным светилом, удаляющихся силуэта. «Попасть – раз плюнуть», – она покосилась на эльфа, потом на Ори. Оба они были совершенно спокойны.

– Мы с Анарниэльль идем первыми, – тихий шепот сливался с шелестом травы. – Как только доберемся до дома, подам сигнал. Тогда следуйте за нами.

Ори кивнул, и эльфы, припадая к земле, быстро отползли в сторону. Вера, любопытствуя, высунула голову из травы. Ни один стебелек не дрогнул, ни хруста, ни шороха. Она увидела их лишь на мгновение, когда два смутных силуэта поднялись из травы у обтянутой шкурами стены, а затем, сливаясь с расплывчатыми тенями, растворились в темноте. Вера перевернулась на спину, со страхом вслушиваясь в темноту, ожидая, что вот-вот она взорвется лаем потревоженных собак и голосами выбегающих из своих хибар степняков. Как тогда. Но ночь молчала. Молчали даже собаки, уставшие за день прятаться от палящих лучей солнца, и наслаждающиеся относительной прохладой летней ночи. Где-то недалеко заплакал ребенок, но, быстро успокоенный материнским молоком и лаской, замолчал. Внезапно в тихий ансамбль звуков вплеся еще один, незаметный для постороннего уха, но такой долгожданный и прозвучавший для Веры и Ори сигналом к действию. Одинокий крик ночной птицы.

Ори дернулся было вперед, но Вера удержала его за полу куртки.

– Подожди. Встань рядом, и не отходи ни на шаг. А лучше всего, держись за меня.

– Что ты задумала?

– Стать невидимкой.

Она поднялась во весь рост, довгар тоже быстро поднялся и ухватил её за плечо. Вера очертила на земле круг, центром которого стали их с Ори ноги, и прошептала заклинание. Воздух над чертой заискрился и бледным облачком снизу вверх окутал стоящие рядом фигуры.

– Идем.

Вера вела Ори словно поводырь, а тот, в свою очередь, старался не отступать от неё ни на шаг. И хоть он был абсолютно уверен в своей проводнице, все же рефлекс, сработавший при появлении из-под полога полусонного варнинга, чуть было не разрушил хрупкую оболочку невидимости. Ори дернул рукой с намерением выхватить меч, но воин, пошатываясь и позевывая, равнодушно прошел мимо них и завернул за шатер. Довгар совладал с собой, и его рука осталась на плече Веры. Они добрались до крыльца памятного обоим дома и поднялись по тревожно скрипящим ступеням. Вера протянула руку и открыла дверь. Если бы кто-нибудь в этот миг взглянул на крыльцо, он бы изрядно удивился тому, как две появившиеся из воздуха фигуры, бесшумно приоткрыв дверь, скользнули внутрь. Но удивляться было некому, Каргхотай спал.

Стоя в полной темноте, Вера слышала дыхание стоящего рядом Ори.

– Сарлис! Анарниэльль! – шепотом позвала Вера, на всякий случай приготовившись защищаться.

– Мы здесь, – совсем рядом раздался тихий голос эльфа. – Все спокойно.

Вера с облегчением вздохнула, убрав руку с рукояти меча. Сложив ладони ковшиком, она произнесла заклинание, и между пальцев слабо затеплился огонек. Вера развела ладони, и светящийся белым светом шар поплыл по помещению, постепенно разгораясь и выхватывая из темноты лица друзей, казавшиеся пугающе бледными и прозрачными в его холодном свете.

– Ну и жуткий у тебя видок! – отшатнулся Ори от эльфа, взглянув на его отливающее голубизной лицо с расширившимися, чтобы лучше видеть в темноте, черными зрачками. – Встреться я с тобой в таком виде при других обстоятельствах, убил бы не раздумывая.

– Ты бы не успел, – без тени иронии взглянув на Ори, спокойно, словно объясняя само собой разумеющуюся истину, ответил эльф.

Довгар хотел было скептически улыбнуться, но передумал, и отвел глаза от невозмутимого лица.

Вера тем временем пересекла небольшую прихожую, освещенную слабыми лучами плавающего под потолком светоча, и остановилась у двери. Порывшись в висящем на поясе кошелье, извлекла из него Общий ключ, и замялась, не решаясь вставить его в замочную скважину. За спиной, затаив дыхание, замерли её спутники.

– Ну?.. – голос Сарлиса придал ей уверенности, и стержень с тихим щелчком вошел в замок.

Несколько минут напряженного ожидания. Ключ, насмешливо поблескивая полированными гранями, неподвижно торчал в замке. «Что не так? Код? Настройка? Или что там бывает у таких дверей?». У Веры взмокли ладони, она виновато и недоуменно оглянулась на спутников.

– Не понимаю, – она пожала плечами.

– Может, какое-то заклинание? – попыталась помочь Анарниэль.

– Да нет. В прошлый раз эта дверь просто открылась, а за ней была замковая зала. И когда уходила я оттуда, тоже никакого заклинания не было. Ключ сам нашел то место, куда я хотела попасть.

Прошло полчаса. Два раза приходилось зажигать новые светящиеся шары, когда истощив запас энергии, тускнели старые. Вера несколько раз вынимала и снова вставляла ключ в замок, то быстро, то медленно, то пыталась сама его повернуть, но безрезультатно. Анарниэль, прислонившись к стене и опустив голову, о чем-то думала. Ори сидел на полу, принимая затянувшееся ожидание как данность, и используя его для отдыха. Сарлис расхаживал из угла в угол, временами бросая задумчивые взгляды то на замок, то на Веру. А она стояла, прислонившись лбом к шершавой деревянной двери, закрыв глаза и вспоминая.

Эркель хотел показать ей свой замок. Потом продемонстрировал ей незнакомое побережье, и сказал, что портал может выбросить её куда угодно. Когда она убежала, Олса убедила её в том, что портал откроется именно в том месте, куда Вера хотела попасть. Почему? Потому что он её запомнил? Вряд ли. Эркель наверняка пользовался этим переходом в разных направлениях, так кто должен помнить все посещаемые с помощью портала места? Наверное, тот, кто через него проходит. Путешественник должен знать, куда он хочет попасть. И она точно знала, куда отправлялась, когда воспользовалась предложенным Олсой ключом. Она знала. Она помнила то место, куда хотела... Ну конечно!

Вера дернулась, осененная догадкой. Эксперимент? Вот Тар-Хаирэ удивиться! Нет, сейчас не до шуток. Она отодвинулась от двери на один шаг, и попыталась как можно подробнее представить себе убранство старинного замка.

В памяти всплыл большой полупустой зал, в котором гулким эхом отдаются шаги, мраморные колонны, поддерживающие сводчатый потолок, высокие узкие окна с цветными стеклами. Проникающий сквозь них солнечный свет оживляет мозаичные картины на стенах, играет радужными пятнами на статуях и отполированном до зеркального блеска полу. Но это днем. Ночью зал освещен скупым красноватым огнем светильников на колоннах, колышущимся в потоках потревоженного воздуха. Их лучи кровавыми отблесками пляшут на стенах, выхватывая из мрачной древней темноты мраморные лица изваяний и фрагменты безмолвных битв, придавая им жуткий и до дрожи реальный вид.

Сознание услужливо рисовало все новые и новые подробности обстановки Эркелева замка. За спиной шумно вздохнул Ори, увидев, как самопроизвольно повернулся в замке ключ, щелкнув гранью. Один, три, девять, четырнадцать. А после пятнадцатого щелчка перед затаившей дыхание четверкой медленно распахнулись тяжелые дверные створки, открывая их изумленному взору просторный зал, тускло освещенный несколькими, уже догорающими, светильниками. Плотный ночной сумрак, который не могли развеять боязливо трепыхающиеся в площадях огоньки, напирал из-за колонн, стараясь смутить непрошенных гостей.

Первой порог перешагнула Вера. Звук её шагов заставил ночной мрак всколыхнуться в возмущении, а красные язычки пламени взметнулись вверх, словно хотели предупредить, предостеречь, но тут же снова утихли, испуганно спрятавшись за закопченными краями наполненных маслом чаш.

Она оглянулась на друзей с победоносной улыбкой.

– Прошу!

Сарлис и Анарниэльль последовали за ней без долгих раздумий, хоть и с некоторым трепетом, а вот Ори в нерешительно остановился на пороге. В серых глазах доггара мелькнуло сомнение, но тут же, устыдившись нечаянной слабости, он широким шагом преодолел отделяющее его от других расстояние.

Вера выдернула ключ из замка, и двери медленно закрылись, не удерживаемые больше её волей. Огоньки светильников, потревоженные сквозняком, возбужденно перемигивались между собой, разглядывая пришельцев.

Когда первое волнение от удачного перехода немного улеглось, Анарниэльль, широко открытыми глазами рассматривающая обстановку зала, приглушенным голосом произнесла:

– Целая вечность. Здесь многое изменилось. Ты помнишь, Сарлис?

– Нет. Я не был здесь столь частым гостем, как ты, Анэль, – эльф смотрел на сестру полными печали и понимания глазами.

Анарниэльль отступила в темноту за колоннами, чтобы лучше разглядеть украшающую стены мозаику. Остальные, стараясь все же не слишком разбредаться и попутно продвигаясь вперед, рассматривали украшающие зал произведения искусства. Внезапно громкий то ли вскрип, то ли смешок нарушил настроенную тишину. Он донесся с той стороны, где скрылась Анарниэльль.

– Вайра, свет! – Сарлис первым бросился в ту сторону, откуда донесся звук.

На ходу наколдовывая светящиеся шары, Вера устремилась за ним. Два светоча, послушно плывущие за ней, осветили темное пространство у стены, и одновременно подбежавшие туда Вера и Ори увидели Анарниэльль. Она стояла под картиной, изображавшей битву у Семи холмов. Её глаза влажно блестели, а губы кривились в странной усмешке. Она повернулась к брату, нервно рассмеялась и срывающимся голосом, указывая на стену, произнесла:

– Смотри, они одели тебя в голубую рубашку! А я точно помню, что тогда на тебе была белая.

Сарлис, разглядывая с недобрим удивлением полотно, освещенное бледным светом висящих над их головами крошечных лун, положил руку ей на плечо.

– Да, конечно. Конечно, белая. Это я помню. На голубой ткани пятна крови не были бы такими яркими.

Его огромные глаза, всегда такие холодные и спокойные, полыхнули мрачным пламенем. Брат и сестра молча стояли перед огромной фреской, узнавая изображенных на ней друзей и близких, давно покинувших этот мир, и заново переживая прошедший кошмар, наложивший на их души печать не проходящей печали. Вера, осторожно приблизившись, взгляделась в изображения эльфов. Те, кто раньше были для неё лишь нарисованными безликими фигурами, внезапно обрели имена. У самого подножья камня, на вершине которого застыла в вечном падении фигура короля Менэлгила, она разглядела знакомые лица. Анарниэльль в ряду

таких же лучниц с сосредоточенно сведенными бровями. Нарэмор с поднятой в замахе рукой, рядом с ним Халнор, прикрывающий его со спины. Минелас в закрытом, в отличие от остальных, шлеме, сквозь прорези которого яростно сверкают светлые глаза. Чуть дальше, в самой гуще наседающих людей, бледное, перепачканное чужой кровью лицо Сарлиса. Черные волосы, взметнувшиеся смерчем в полуобороте, и открытый в безмолвном крике отрицания и гнева рот принца-воина, прорывающегося на помощь к поверженному королю. К отцу.

– Они все здесь! – выдохнула Анарниэльль, и, повернувшись, уткнулась лицом в плечо брата. – Линдир, Таэрас, Лучинэль. Они все еще сражаются. Они. . . О, если бы мы могли тогда предвидеть!

Её плечи беззвучно вздрагивали. Сарлис обнял её, не отводя глаз от картины.

– Не нужно, Анэль, не плачь. Нет смысла скорбеть о том, чего уже не исправить.

– Я и не плачу, – эльфийка подняла действительно сухие глаза. – Но, все же, больно вот так вдруг увидеть лица тех, о ком знаешь, что уже никогда их не встретишь.

Её взгляд украдкой скользнул по одной из одетых в серые балахоны фигур. Вера, уже довольно хорошо знакомая с историей эльфийского народа, созерцала развернутое перед ними полотно с совершенно другими чувствами, нежели в первый раз. Тогда она видела на нем просто батальную сцену с участием двух воинств. Но каждая армия состоит из конкретных солдат, со своей собственной судьбой. И события, пересказанные устами тех, кто в них участвовал, перестают быть лишь историческими фактами, и становятся чьей-то трагедией, поражением или победой. Так они и стояли, трое, глядя на озаряемую холодным светом магических шаров, фреску, пока их не окликнул Ори. Ему порядком надоело бесцельно торчать, прислонившись к одной из колонн, и дожидаясь своих спутников. Бесспорно, картина была захватывающая по сюжету, и красива, но ведь они пришли сюда не за тем, чтобы рассматривать разрисованные стены. Они пришли сюда по делу. И Ори это помнил. Бесцеремонно нарушив благоговейную тишину, довгар негромко произнес:

– По-моему, мы здесь по другому поводу. Не заняться ли нам тем, зачем мы сюда явились, а?

Эльфы одновременно повернули головы, и посмотрели на него взглядом, означавшим примерно следующее: «бездушный чурбан». Но Вера, встрепенувшись, кивнула головой.

– Да, надо попытаться выяснить хоть что-то, имеющее отношение к лорелантам.

– У кого? – вопросительно поднял брови Ори.

– Ну-у, не знаю. Можно расспросить слуг, можно просто обыскать замок.

При этих словах Анарниэльль невольно улыбнулась.

– Обыскать? Ты хоть представляешь себе, сколько времени у тебя на это уйдет? Здесь множество потайных комнат, и я больше, чем уверена, что за прошедшее время их стало еще больше. Я, например, вряд ли отважусь путешествовать по замку одна. Кто знает, какие сюрпризы появились в нем за последние девятьсот лет?

– Да, вот именно, – обеспокоился Ори. – Что и где мы будем искать?

– Потрясающе! – хмыкнул эльф, с легким раздражением и насмешкой глядя на Веру. – Выходит, ты и сама не знаешь, зачем сюда пришла? А сколько было уверенности!

– А ты мог предложить что-то другое? – огрызнулась уязвленная его тоном Вера. – Так можешь вернуться, я открою тебе портал. Не забывай, я была здесь всего один раз, и передвигалась по замку в сопровождении. . .

Она внезапно замолчала на полуслове, приоткрыв рот, а потом расплылась в улыбке.

– Как считаете, откуда лучше всего начать поиски?

– Смотря, что искать, – отозвался Ори.

– Предположим, что камни сейчас в замке. Где Эркель, – (Анарниэльль слегка дрогнула при этом имени), – мог их спрятать? Или не спрятать? Ну, какие будут версии?

– В кабинете, – пожал плечами Анарниэльль.

– В спальне, под матрасом, – ухмыльнулся Ори.

– В собственном склепе, – мрачно пошутил Сарлис.

– Чувство юмора у всех превосходное, – качнула головой Вера. – Однако, пожалуй, третий вариант слишком уж неправдоподобный. Остановимся пока на первых двух. Осмотрим для начала личные апартаменты хозяина замка.

В этот миг за окнами, озарив зал, короткой вспышкой ударила молния, а через несколько секунд раздался отдаленный рокот грома. Все настороженно прислушались. Вскоре сверкнуло и прогремело еще раз, и Ори успокоенно махнул рукой:

– Гроза начинается. Так что там насчет апартаментов?

– Что? – Вера отвлеклась, прислушиваясь к постепенно нарастающему звону капель по стеклам. – А, да. Ну, Сарлис и Анарниэльль осмотрят спальню, а мы с Ори наведаемся в кабинет.

– И где же его спальня? – Сарлис, прищурив глаза, взглянул на Веру. За окном грохнуло уже сильнее.

– Не знаю, – спокойно отозвалась она, пропустив мимо ушей его тон, и не заметив, как дрогнули ресницы Анарниэльль при его словах.

– И?

– Вызовем Проводника, – лучезарно улыбнулась Вера.

Все смотрели на неё, молча, непонимающими глазами.

– Как оно там? Эр..., Эйр.... А! Эйрхелмас!

За окнами сверкнуло и долбануло так, что зазвенели стекла. Воздух дрогнул, овеяв лица грозовой свежестью, светящиеся шары в панике заметались над головами, и перед изумленной и в какой-то степени испуганной троицей, колыхаясь, повисла темная тень. Реакция Ори была молниеносной, но меч лишь со свистом вспорол воздух, когда довгар попытался отразить воображаемую атаку. Висящая в нескольких сантиметрах над полом фигура даже не дрогнула, когда сталь клинка прошла сквозь неё. Ори хрипло выругался, Вера тихонько рассмеялась, а Сарлис, тоже уже обнаживший меч, глядя на её реакцию и переведя дыхание, неодобрительно глянул на неё:

– Предупреждать надо.

Клиники с легким звоном вернулись обратно в ножны, и Анарниэльль выглянула из-за плеча брата.

– Кто это? – шепотом спросила она, глядя широко открытыми глазами на безмолвную фигуру.

– Проводник. Он показывает дорогу. Незаменим при путешествиях по незнакомым замкам. Одно ваше слово, и он отведет нас хоть в самую преисподнюю, которая, возможно, имеется в этом замке, исходя из наличия этого красавца. Так что, мы идем?

Все молчали, еще не вполне пришедшие в себя после такой демонстрации.

– Ну, так как все молчат, командовать придется мне. Отведи нас в кабинет хозяина.

Зыбкая фигура развернулась, и плавно поплыла к выходу из зала. Вся четверка двинулась за ней.

Наколдованные Верой светочи погасли, исчерпав себя, через несколько минут после того, как они покинули зал. Вера не стала создавать новые, и воспользовалась более простым способом – сняла со стены и зажгла четыре факела. Теперь они шли, освещая себе путь ярко пылающими факелами. Анарниэльль то и дело ахала и возбужденно тянула за рукав то её, то брата, узнавая знакомые места. Или удивлялась, разглядывая изменившийся за века облик и интерьер замка. Путь оказался неблизким. В течение примерно четверти часа они следовали за их весьма неторопливым гидом. И хоть Ори и жаловался на скорость, все же в этом неспешном продвижении было и свое преимущество – они запоминали дорогу обратно. За окнами пылали грозовые зарницы, гремел, нисколько не утихая и, словно бы угрожая непрошеным гостям,

гром, и потоки воды неслись вниз по стенам замка. Лесенки, ступеньки, пороги, двери, арки, снова лестницы. Ори, приблизившись к Вере, прошептал ей на ухо:

– Не нравится мне это место.

– Почему же?

– Слишком тихо.

– Ну и что?

– А то. Ни одного стража, ни собаки, ни света хоть за одной из дверей. Вообще ни одной живой души. Мертвый замок.

– Не преувеличивай. Просто все спят. Ты бы хотел, чтобы все проснулись?

– Спят? В такую-то грозу? Хм, – довгар покачал головой.

Признаться, Вере и самой было не по себе. В прошлый раз, когда она в сопровождении Проводника шла на ужин к Эркелю, а потом в свои покои, она как-то не задумывалась над странностью царившей здесь тишины. Тогда у неё были другие проблемы.

Проводник остановился и растаял перед закрытой дверью.

– Кажется, пришли.

Вера приложила ладони к гладкой поверхности и нажала на створки. Потом потянула её на себя. Дверь не подалась.

– Закрыта. Похоже, обычный замок. Хотя не исключена и простенькая магическая защита. Сейчас посмотрим.

Она провела ладонью над замком, но ничего не ощутила. Замок был заперт обычным способом, на ключ.

– Ага. Ну ладно, – Вера сложила пальцы щепотью у замочной скважины, резко вывернула кисть, словно выкручивала старый заржавевший шуруп. В замке что-то щелкнуло, коротко скрежетнуло, и Вера потянула за кольцо. Дверь бесшумно и на удивление легко подалась ей навстречу.

– Ап! Сарлис, может, всем вместе?

– Время дорого. Лучше сделать так, как планировали. Куда нам сейчас?

– Слово помнишь? Просто вызови и скажи, куда проводить.

Эльф кивнул, и через минуту легкая скользящая тень уже уводила его и Анарниэлль дальше по коридору. Вера и Ори, поглядев им вслед, вошли в приоткрытую дверь, в царившую за ней темноту, время от времени вспарываемую лишь блеском молний за окнами.

– Сейчас зажгу свет.

Вера прикрыла дверь, и, оглядев помещение с помощью факела, зажгла все свечи, которые нашла. Просторная комната, заставленная книжными шкафами, стеллажами с различными магическими и обычными предметами, осветилась уютным теплым светом восковых свечей. Ори только удивленно похмыкивал, озираясь, выпятив нижнюю губу и поглаживая подбородок. Подойдя к одному из шкафов, он провел пальцами по корешкам стоящих книг, и, вытянув одну, открыл её на середине. Повертев том в руках, перевернул его сначала набок, потом вверх ногами, и, закрыв, пренебрежительно вбросил на прежнее место. Затем снова потянулся к полкам, и, открыв следующую книгу, негромко воскликнул:

– О, гляди-ка, Вайра! Эту я, пожалуй, смогу прочитать. Правда, тут какая-то ерунда написана. Заанол ватилумэ...

Закончить чтение он не успел. Вера подскочила к нему, и, вырвав книгу у него из рук, рассержено зашипела:

– Ты что делаешь? Это же заклинание!

– Какое? – испуганно отпрянув и отряхивая руки, словно произнесенные слова могли повиснуть на его пальцах, распахнул глаза Ори.

– Откуда я знаю? Может, от тараканов, может, от несварения желудка. А может, и кое-что похуже. Пожалуйста, будь осторожнее. А еще лучше, не трогай тут ничего.

– Как это – не трогай? А как же я буду искать?

– Что?

Довгар пожал плечами.

– Ну ладно, – смиловилась Вера. – Только с одним условием – не прикасайся к подозрительным предметам.

– Постараюсь, – кивнул Ори. Побродив немного бесцельно по комнате, он остроавился у одного из стеллажей и взял в руки резную деревянную коробочку. Открыв крышку, он обнаружил в ней порошок коричневого цвета.

– Вайра! – негромко позвал Ори, макая в порошок палец и поднося его к лицу, чтобы рассмотреть и понюхать.

– Что? – отозвалась она, занятая просмотром книг на одной из полок шкафа. Вытаскивая одну за другой, она перелистывала их, перетряхивала страницы, и ставила на место.

– Как думаешь, это подозрительная вещь? На табак похоже.

– Какая? – Вера обернулась, и увидела как Ори принюхивается к порошку на пальце.

– Нет!

– Вот и я думаю, что нет, – улыбнулся Ори и втянул коричневую массу носом.

– Нет, то есть да! Тьфу ты, да поставь ты его на место! О господи, Ори!

– Что?

Довгар поспешно захлопнул крышку коробочки, и почти кинул её на полку. Но было уже поздно. Нос Ори приобрел сначала розоватый оттенок, потом потемнел до лилового, и через минуту лицо воина вместо носа украшал предмет, больше напоминающий по цвету спелый баклажан, нежели нормальный человеческий орган. Одновременно с носом поменяли цвет и пальцы, которыми Ори зачерпнул злополучный порошок.

Первой реакцией Веры был испуг. Но когда она убедилась, что с её спутником все в порядке, за исключением сменившего цвет носа, её одолел истерический смех.

– Любопытной Варваре... Ой, не могу!

– Перестань! – не зная, что предпринять, тряся перекрашенными пальцами, и мечась по комнате в поисках зеркала, шипел Ори. – Да хватит, Вайра! Есть тут зеркало или нет, в конце концов!

– Здесь не будуар, Ори, – заливалась Вера. – Здесь рабочий кабинет чародея. В чем ты только что убедился.

– Это не смешно. Это страшно, Вайра. Я что, буду носить Это до конца моих дней?! – Ори свел глаза к носу. В его голосе отчетливо слышались нотки отчаяния.

– А я тебя предупреждала. Не волнуйся, будем надеяться, что эффект кратковременный, просто поменялась пигментация кожи. Скоро пройдет.

– Как скоро?

– Не знаю. День, два, может, неделя. Зависит от дозы.

– Неделя?! О, светлый Валкун! Лучше бы мы пошли осматривать спальню.

Ори, прикрыв лицо ладонями, съезился в кресле у стола, жалобно постанывая. Вера же, просмеявшись, подошла к нему и обняла, успокаивая.

– Прости, Ори. Я обязательно попытаюсь что-нибудь с этим сделать, если к утру не пройдет само.

– Ладно, чего уж. Сам виноват. Больше пальцем здесь ни к чему не прикаснись. Хотя, по-моему, вон в том углу, за пологом, есть зеркало. Пойду, гляну.

Вера посмотрела в ту сторону, куда кивком головы указал и, поднявшись, поплелся Ори. Широкое полотно, легкими складками свисающее с гардин, скрывало небольшую нишу. Ори подошел, и осторожно, опасаясь новых неожиданностей, потянул портьеру вбок. Когда, отдернув ткань в сторону, он взглянул на то, что она скрывала, из его груди вырвался невольный

вздых восхищения. В нише находился портрет девушки потрясающей красоты. Перед ним на подставочке в стеклянной шкатулке покоилось серебряное колечко с жемчужиной.

Ори на мгновение забыл про свой перекрашенный нос, Вера тоже с немалым удивлением смотрела на портрет. Уж чего-чего, а этого она никак не ожидала. Рядом вздохнул Ори.

– Хороша-а. Жаль только, что зеркала нет.

Он вернулся к столу и развалился в кресле. Взяв в руки толстый фолиант, лежавший сверху в стопке книг, принялся молча, помня недавний опыт, листать жесткие страницы. Вера же все стояла, глядя в глаза нарисованной девушки и гадая. Кем она была? Или есть? Черты улыбающегося лица казались странно знакомыми, смутно и едва уловимо напоминающими кого-то. Вера прищурилась, вспоминая. Да, вполне возможно. Темнее и курукхе волосы, резче и четче линии скул и подбородка, суровее взгляд. Его мать? Сестра? Дочь? Сзади что-то с глухим стуком упало на пол. Вера резко обернулась, намереваясь снова отчитать Ори за любопытство. Но тот сидел в кресле совершенно спокойно, и, казалось, спал, похрапывая лиловым носом. На полу, под безвольно свесившейся с подлокотника рукой, лежала раскрытая на середине книга. А в дверях, опершись на косяк и взирая на неё изумленными глазами, стоял Эркель.

Глава 2

Эркель очнулся, вырванный из тяжелого забытья оглушающими раскатами грома. Бушующий снаружи ветер, словно злой, сорвавшийся с цепи и очумевший от свободы пес, рвал шторы на окне и гремел открытыми ставнями. В распахнутое окно хлестали потоки воды, и на полу образовалась лужа, сверкающая ртутным блеском во всполохах молний. Один край занавески, который неиствующий снаружи ветер вытянул в окно, намок, и, отяжелевший от пропитавшей его воды, прилепился к карнизу. Второй отчаянно вырывался, трепыхаясь и хлопая, словно птица крыльями, в зубах у пса-ветра. Но, несмотря на разгулявшуюся за окном непогоду, в опочивальне было душно и как-то тревожно, тягостно.

Повурукхавшись в постели, Эркель поднялся и подошел к раскрытому окну. Ветер, словно обрадовавшись новой игрушке, выпустил безвольно повисшую ткань занавески, и вцепился в длинные волосы мага, взлохматив каштановые пряди. Эркель раскинул руки в стороны и прикрыл глаза, отдаваясь во власть неукротимой стихии. Врывающиеся вместе с ветром водяные брызги оросили утомленное духотой тело прохладной влагой. Обволакивающая дурманом дремота нехотя отступила в темноту, под балдахин, нависший над смятой постелью бесформенной тенью. Жадной, ненасытной, питавшейся его кошмарами, охочей до ночных видений медузой парил он над широким ложем.

Эркель стоял, с удовольствием подставляя лицо освежающим потокам воздуха, ощущая, как дождь упругими струями хлещет по его обнаженным плечам, груди, животу. Стекающие по ним капли воды отражали электрические вспышки над замком, словно зеркальная чешуя, покрывающая стройное тело.

Понимая, что лечь снова бессмысленно, Эркель, не зажигая огня, натянул брюки, сапоги и набросил на мокрое тело рубашку. Тонкая ткань, намокнув, приятно холодила тело. Перетряхивая массу густых каштановых волос, отяжелевших от влаги, Эркель вышел из своих апартаментов в темный замковый коридор. Ему не нужен был свет, чтобы ориентироваться в закоулках и переходах собственного дома. Даже не будь у него острого эльфийского зрения, он вряд ли бы потерялся в просторных, знакомых с детства, залах. Он знал каждую ступеньку, каждую трещинку на стенах, каждый поворот, и мог бы дойти до нужного места с закрытыми глазами. И первый Проводник был создан им не из собственной прихоти или опасения что-то забыть, а для тех часто меняющихся обитательниц замка, что скрашивали его холодное одиночество.

Но сейчас в его замке не было никого, кто мог бы пустой болтовней отогнать нарастающую скуку, чей смех, пусть ненадолго, но заставил бы его поверить, что он кому-то нужен. Хотя ему самому никто нужен не был. После того, как исчезла Олса, Эркелю ни разу не пришла в голову мысль о том, чтобы исправить это упущение. Потому что иногда он вспоминал мягкое мерцание свечей и золотые отблески на огненных волосах.

Вскоре ему надоело бесцельно бродить по пустым безмолвным коридорам, прислушиваясь к шуму дождя за широкими окнами, но и возвращаться в тягостный сумрак спальни он не хотел. А потому, решив немного скрасить остаток ночи и создать хотя бы иллюзию чьего-то присутствия, он неторопливо направился туда, где жило его прошлое, вернее, где находились его осколки. В свой кабинет.

Он поднялся по неширокой лестнице, завернул за угол и замер, не веря собственным глазам. Из-под неплотно закрытых дверей комнаты, в которую запрещалось входить, кому бы то ни было, сочился теплый оранжевый свет. Первым чувством, охватившим его, было удивление, следом пришло возмущение подобной беспардонностью, и только потом поднялся и накатил горячей волной гнев – «Убью наглеца!». Бесшумно, держась в тени холодных каменных стен,

Эркель подобрался к приоткрытым дверям и заглянул внутрь. Зеркала синих глаз отразили спокойное подрагивание язычков пламени в подсвечниках и фигуру за столом.

Вполоборота к входу, вольготно развалившись в его кресле и молча листая тяжелый том «Деяний», сидел незнакомый светловолосый мужчина. Он поднял голову, и бросил взгляд в ту сторону, где находилось главное сокровище Эркеля – портрет сестры. Светлые волосы, отброшенные с лица коротким движением головы, открыли взору мага обветренное лицо бывалого воина. Почему-то его украшал лиловый нос, донельзя комично смотревшийся на суровом немолодом лице. Но Эркелю сейчас было не до смеха, он почти не обратил внимания на эту деталь, сосредоточившись на том, чтобы выяснить, сколько злоумышленников находится сейчас в его владениях. Судя по напряженному и, как показалось, немного обиженному выражению лица и взгляду незнакомца, в комнате был кто-то еще. Но кто, маг не мог разглядеть. Створка двери и выступающий карниз ниши, где находился портрет, скрывали от него второго непрошеного гостя.

На принятие решения у Эркеля ушло несколько секунд. На верхних этажах замка, где находились его апартаменты – жилые комнаты, лаборатория, библиотека, кабинет и покои его дам, прислуга появлялась только днем. Ночью, во избежание недоразумений, никому не позволялось находиться на верхних ярусах. В том числе и немногочисленной замковой страже. Лучшим охранником, как считал Эркель, был сам замок, полный неожиданностей вроде бездонных колодцев, потайных люков и прочих ловушек для непосвященных. Да и кого ему, Серому магу, было опасаться? По большому счету, он никогда и не задумывался всерьез о том, что кому-нибудь в голову придет подобная мысль – тайком пробраться в его дом. И вот, пожалуйста. Времени, чтобы строить предположения о том, каким образом безболезненно удалось проникнуть сюда этим двоим (а может, и больше), не было.

Эркель осторожно, оставаясь в тени и стараясь не обнаружить себя раньше времени, потянул дверные створки, увеличивая обзор. По виду и ощущениям сидящий за столом мужчина был обычным человеком. Первоначальный запал немного поутих, любопытство разгорелось, и желание расспросить незваных посетителей о цели их визита пересилило намерение покончить с ними прямо на месте. Эркель, беззвучно прошептав незамысловатое сонное заклинание, отправил странного субъекта в путешествие по царству сна. Светловолосая голова поникла, руки, державшие книгу, разжались и повисли по обеим сторонам кресла, а сама книга с глухим стуком упала на пол, раскрывшись на главе «О праве и долге». Послышалось негромкое похрапывание, убеждающее в том, что нахальный захватчик его кресла более не опасен. Окружив себя на всякий случай магической защитой, Эркель распахнул двери настежь, и переступил порог с намерением таким же образом разобраться и со вторым интервентом.

Плавное движение фигуры у ниши, поворачивающейся на звук упавшей книги, ослепляющее пламя плывущих по воздуху рыжих волос, и два огромных зеленых омота, в которых бесследно канули гнев и раздражение. Осталось лишь бескрайнее, мгновенно выросшее до размеров вселенной, изумление.

Они с минуту безмолвно смотрели друг на друга. В её широко открытых глазах застыло то же неподдельное удивление, что и в его. Было похоже, что она никак не ожидала увидеть его. Первым пришел в себя Эркель. Из его уст послышался смешок, а выражение лица из просто изумленного стало недоверчиво – радостным.

– Что... что ты здесь... Как ты здесь очутилась? – губы сами растянулись в улыбке.

– Ты? Ты жив?! – ответила она вопросом на вопрос, настороженно приглядываясь к нему.

– Тебя это удивляет? Да, пожалуй, жив. Но только благодаря тебе.

– А я думала...

– Ах, вот что! – Эркель рассмеялся, втихомолку радуясь теплоте ощущению, поднимающемуся откуда-то из груди. – Вы решили, что отправили меня к праотцам, и собрались похозяйничать в моем замке в отсутствие владельца? Но как вы... Ах, да! У тебя ведь есть ключ.

Мои поздравления твоей сообразительности и памяти. И что же интересует моих неожиданных гостей? Деньги? Драгоценности?

– Ни то, ни другое, – Вера, вернув себе способность рационально оценивать ситуацию, взглянула на Эркеля. – Мы здесь по другому поводу.

– Вот как? А, кажется, я догадываюсь. Ты пришла, чтобы пролить слезу над моей могилой и искала в моих рукописях указания, где она находится, так? Весьма польщен. Но, к великому твоему сожалению, я не умер. Это была его стрела? – кивок в сторону мирно почивающего в кресле Ори.

– Да, стрела его. Но, поверь, мне искренне жаль, что в тот раз все так вышло.

– Ну, конечно. Конечно, жаль! И мне тоже жаль. Я вообще жалостливый. Видишь, я не убил твоего спутника. Он спит, спокойно, и, наверное, видит сон о том, как защищает тебя. Кто он тебе?

– Ори мой отец.

– Отец? – маг приподнял брови. – Странно, вы с ним совершенно не похожи. Возможно, как родитель он и хорош, но как защитник... Извини, но мне будет спокойнее, если мы продолжим разговор в другом месте и в другое время. Я искал и ждал тебя так долго. Не могу позволить тебе снова ускользнуть.

В глазах Эркеля загорелся огонек удовлетворения, и с победоносной улыбкой он сделал несколько шагов ей навстречу. Рубин в перстне засветился изнутри спокойным ровным светом, маг поднял руку и неуловимым движением кисти направил в сторону стоящей перед ним девушки сонную волну, несколько минут назад поборовшую Ори.

– Даже и не думай.

Вера, выбросив вперед ладони, отразила невидимую атаку, и теперь спокойно смотрела в его посеревшие от напряжения и непонимания глаза.

– Поговорим? На равных.

Она подошла к столу и присела на край, сложив руки на груди.

– О чем? – машинально спросил опешивший Эркель, не вполне понимая, почему его заклинание не сработало должным образом.

– О лорелантах.

Тут ему пришлось удивиться во второй раз.

– О чем?!

– Ну, о тех камушках, один из которых я ношу в своем медальоне. Ведь именно из-за него ты так упорно пытался выудить его у меня, а, Эркель?

Вера потянула цепочку и, вытащив из-за ворота медальон, покачала им перед глазами мага. Как замороженный, он следил за плавным движением золотых искр. Рука сама потянулась к украшению, но Вера быстрым движением спрятала медальон обратно. В синих глазах мелькнуло разочарование.

– Отдай, – тихо попросил он, поднимая на неё расширившиеся и жадно заблестевшие глаза. – Зачем он тебе?

– А тебе? – с нажимом спросила она.

– Это очень важно для... для меня. Отдай, – просящий тон сменился требовательным, настойчивым. Рука повернулась ладонью кверху, и потемневшие глаза впились ей в лицо. Он уже не просил, он угрожал.

– Тебе нужен один этот камень?

– Да. Если ты отдашь его мне, я отпущу вас живыми и невредимыми.

– Спасибо, но меня такая сделка не устраивает, – она прищурилась, покачивая ногой.

– Что же тебе нужно?

– Остальные камни.

– Остальные? – Эркель, казалось, был в замешательстве.

– Да. Если ты скажешь, где их найти, я отпущу тебя живым и невредимым, – усмехнулась Вера, копируя интонацию Эркеля.

– Откуда ты знаешь? Кто рассказал тебе о них?

– Неважно. Так где остальные лореланты, Эркель?

Он стоял, не смея поверить услышанному. Перед ним была совершенно другая Вайра. Не та, напуганная и нуждающаяся в защите девушка, что волею судьбы попала к нему в руки чуть меньше года назад, владеющая невиданным сокровищем и не знающая его истинной ценности. Теперь он видел перед собой непостижимым образом преобразившуюся, обретшую новую силу и уверенность, чародейку. Да-да, именно чародейку! Он только сейчас понял, что помешало ему усыпить её. В ней играла, бурлила, переливалась энергия, которой, судя по его ощущениям, она теперь умела пользоваться! Эркель не мог точно определить источник, который питал её силы, но был уверен, что такого он не встречал еще ни разу, ни у одного из тех, кто приходил к ним учиться магическому искусству. Она перестала быть беззащитной жертвой, превратившись в соперницу, в противника. Насколько грозного, ему еще предстояло выяснить.

– Кто обучал тебя?

Эркель осторожно, стараясь не спугнуть, переместился в более удобную и выгодную для нападения позицию. Зеленые прищуренные глаза спокойно следили за его мягкими ленивыми движениями. Рыжая прядь, прикрывающая рассеченную щеку, чуть колыхнулась, когда она наклонила набок голову. Напряжение нарастало, и сонное посапывание Ори казалось неуместным в наэлектризованном воздухе комнаты.

– Тот же, кто рассказал о камнях. Смею уверить, он прекрасный учитель. Я помню о том, что ты сделал для меня когда-то, помню, чем я тебе обязана. Мне бы хотелось договориться миром, Серый маг Эркель.

– Ты действительно меня поражаешь. Но не слишком ли ты самоуверенна?

Непредсказуемый, внезапный выпад, и град мелких острых ледяных осколков обрушился на сидящую на столе фигуру. Он рассчитал все точно, и был абсолютно уверен, что попал. Ледяной дождь разорвал в клочья попавшиеся на его пути книги, осколки со звоном вонзились в крышку стола, туда, где мгновение назад находилась девушка. Встречный порыв жаркого сухого ветра, в потоках которого оплывали и растекались водой по столу и бумаге ледяные стрелы, взметнул его волосы, прошелся по щеке и уху вздохом сожаления.

– Ты пытался меня убить. Выходит, мы враги?

Он обернулся, пытаясь удержать руками расплывчатый тонкий силуэт, но среагировал слишком поздно. Рыжие пряди, материализовавшись у дальней стены, сверкнули червонным золотом.

– Так, значит? – недобро усмехнувшись, Вера тряхнула рукой, и с плеча к кисти стекла серебристая струйка, оформившись в ладони в острое лезвие. Полуоборот, взмах, и со свистом рассекающий воздух диск пронесся возле лица Эркеля, срезав несколько каштановых волос. Маг вовремя отпрянул, и лезвие, до половины вонзившись в боковину шкафа, взорвалось сверкающими искрами. Вторая атака последовала незамедлительно, но бешено вращающийся диск прошел пустоту, и, разбив стекло, вылетел в окно. Разрезав прозрачные нити дождя, он разбрызгался в воздухе веселым бенгальским огнем. Эркель, перепрыгнув через преграждающее дорогу кресло, метнулся в сторону, стараясь не потерять из виду фигуру с разметавшимся по воздуху огненным ореолом вокруг головы.

– Ах-хаа! – Веру сшибло с ног, и, протаскив по полу несколько шагов, придавило к стене. Больно приложившись затылком, она зашипела, оскалившись. Скорее от злости, чем от боли. Потянулась вперед, чувствуя, как рвется невидимая паутина на теле, но тут подоспел Эркель, и несколькими быстрыми пассажами спеленал её, как младенца. Но в глазах стоящего над ней мужчины, переводящего дух, она не увидела радости или удовлетворения от одержанной победы. Одна прядь волос на его мокром от пота лбу была курукке остальных. Он смотрел

на неё сверху вниз, сдвинув брови, и она почувствовала, что он её боится. Пусть немного, совсем чуть-чуть, но боится. Это была её маленькая победа, и Вера улыбнулась.

– Ты сильна, Вайра. Потрясающе, невероятно сильна, – он покачал головой, признавая факт.

– Я не падка на лесть.

– Я не лъщу. Ты все равно проиграла. Так, может, поговорим по существу?

– С превеликим удовольствием. Где лореланты, Эркель?

– Какое упрямство!

Маг опустил в свободное кресло перед ней, отбросил с лица волосы, и закинул ногу на ногу. Вера, глядя на него снизу вверх, не могла не признать тот факт, что разгоряченный короткой схваткой, с рассыпавшимися в живописном беспорядке волосами и в распахнутой до половины рубашке, он был чрезвычайно привлекателен. Это смущало, мешало сосредоточиться, ей было бы легче, будь он обладателем более прозаической внешности. Она тряхнула головой, отгоняя несвоевременные мысли.

– Может, объяснишь, зачем они тебе? – маг отлично понял её взгляд, и самодовольно усмехнулся.

– Сначала скажи, где они, а потом, может быть, если вежливо попросишь...

– Ты говоришь так, словно это я валяюсь на полу, спеленатый по рукам и ногам. Помнится, во время оно ты не была такой. Такой дерзкой, – Эркель наклонился вперед, заглядывая в зеркало её глаз и видя там своё отражение.

– Времена меняются. Ты должен знать это лучше, чем я.

Вере удалось поудобнее пристроиться у стены, и теперь, с вызовом глядя в глаза мага и отвлекая его разговором, она незаметно пыталась освободиться.

– Хорошо. Я скажу. Но ты не сможешь воспользоваться этим знанием. Если бы ты просто отдала мне камень, мы бы мирно расстались. Но теперь, зная, кто ты и чем обладаешь – имея в виду твою магию – я не могу тебя отпустить. Ты опасна. А потому ты, Вайра, отправишься туда, куда должна. В Норхет, к магистру Энвинголу. Там, кстати, и на остальные шесть камней посмотришь.

– Так они в Норхете, – разочарованно протянула Вера.

– Именно, – усмехнулся Эркель. – Скоро ты их увидишь.

– Я? А Ори?

Вера взглянула на довгара, так и не проснувшегося даже после всей той кутерьмы, которую они затеяли в помещении.

– Ори? Ах, да. Я совсем забыл о твоём спутнике. Ну, не знаю. Мне не нужны лишние проблемы. До специального распоряжения магистра он погостит в Олломаре, здесь достаточно помещений для непрошенных гостей, – Эркель ухмыльнулся. – А там видно будет. Гарантированно могу сказать лишь одно – вы с ним больше не увидите.

Вера понурилась, взвешивая все сказанное магом. Затея с походом в замок Эркеля предстала перед ней в новом свете, превратившись в глупый и опасный для жизни всех её спутников прожект. Теперь она корила себя за то, что позволила увлечься и подбить всех на это бездумное предприятие. Но сдаваться не собиралась. Еще оставалась надежда. Сарлис и Анарниэльль были где-то там, в замке. Прошло достаточно много времени с тех пор, как они разошлись. Эльфы могли вернуться сюда с минуты на минуту. Надо было придумать что-то, чтобы предупредить их. Вера исподтишка взглянула на дверь. Одна створка была открыта настежь, и желтый свет щедро заливал прилегающее к дверям пространство замкового коридора. Надо говорить, говорить громко. Они услышат и поймут, что здесь есть кто-то еще, кроме неё и Ори.

– Как тебе удалось выжить?

– Это вопрос или сожаление? – Эркель поднял брови.

– Вопрос.

– Тогда тебе незачем его задавать, ты прекрасно знаешь ответ. Тебе бы хотелось, чтобы я был мертв?

– Сейчас да.

– Откровенно. А тогда? Почему ты помешала ему? – Эркель кивнул в сторону Ори.

– Не знаю, – она опустила глаза. – Мне не нравится, когда по моей вине умирают люди.

– Муки совести? Потрясающе. Совершенно нетипичное свойство для большинства тех, с кем мне доводилось иметь дело. И откуда ты такая миролюбивая взялась?

– С луны свалилась, – мрачно пошутила Вера.

– Я так и думал, – кивнул в ответ Эркель, усмехнувшись. – Тогда почему бы тебе было не вернуться обратно на луну?

– Если бы все было так просто... Хотя, если ты меняпустишь, я, возможно, и попробую.

– Ну, нет! Что упало, то пропало, – рассмеялся он.

Смех у него был приятный. Ненадолго в комнате воцарилось молчание. Эркель о чем-то думал, глядя на неё сквозь ясный огонек свечи, улыбка блуждала по его губам. Вера смотрела на него, и никак не могла поверить, что этот улыбчивый, спокойный и совсем не злой человек с печальными глазами – один из тех, при упоминании чьих имен эльфы Эдельтелад бледнели.

– Ты много убивал?

– Больше, чем ты можешь себе представить, – без тени смущения ответил он.

– Чего мы ждем?

– Утра. Я не хочу тревожить магистра сейчас, так рано.

Эркель слукавил. Он мог, он должен был, он был просто обязан связаться с Гилэстэлом сразу же, как только обнаружил в своем замке это чудо. Но ему так хотелось еще немного побыть рядом с ней. Просто слушать голос, смотреть, как, переливаясь золотом, стекает свет по огненным прядям волос, считать искры в бездонной изумрудной глубине глаз. Странно, ему даже не столь важен был лорелант, что призывно поблескивал в ложбинке под ключицей. Он хотел запомнить ощущение её присутствия.

– Что будет со мной в Норхете?

Улыбку будто стерли с лица, губы скривились в гримасе досады и раздражения, а глаза мгновенно превратились в кристаллики синего льда. Он порывисто поднялся и, не взглянув на неё, подошел к разбитому окну. Гроза уходила на восток, и разрезавшие время от времени горизонт молнии уже не ослепляли, тускнея на фоне робкого рассвета. Маг коснулся осколков разбитого стекла, оставшихся в раме, провел пальцами по острым краям.

– Это решит магистр Энвингол, – последовал холодный ответ.

– Но все-таки?

Эркель промолчал. Окно было разбито, и можно было не опасаться, что она увидит отражение его лица в стекле. Он зажмурился. «Мне не нравится, когда по моей вине умирают люди». Развернувшись, он подошел к круглому столику посередине кабинета, сдернул с него невесомое покрывало. Пальцы нехотя коснулись прозрачного шарика, лежавшего в углублении в центре стола.

– Вайра! Мы ничего не нашли. Вайра?

Рука дрогнула, и хрусталь с нежным звоном раскрошился по полу, сверкнув радостной радугой. Этот голос. Обуянный ужасом, боясь обернуться, Эркель застыл спиной к двери. Невозможно. Нет. Нет! Не ему бояться призраков! Медленно, преодолевая себя, он отступил на шаг, и повернулся.

– Эркель!!! – пронзительный вскрик, рвущий сознание на клочки, и её глаза, затопившие своей мягкой бархатной чернотой все доступное для воздуха пространство.

Ему стало сначала очень плохо, а потом никак.

***

Лодка, привязанная к причалу, тихо покачивалась на волнах. Он лежал на её дне, слушая музыку волн за бортом, и глядя на проплывающие в лазурном небе облака. На берегу послышался голос матери, она звала его, но Эркель и не подумал откликнуться. Он затаился и еще сильнее вжался в деревянное дно, укрывшись за выгнутыми бортами суденышка. Мелодичный голос на берегу постепенно затих, удаляясь, и мальчик удовлетворенно улыбнулся. Сегодня ему хотелось побыть одному, а замок был полон гостей. Открытие последних дней заставляло его искать уединения. Оно было слишком личным, чтобы делиться им с кем бы то ни было, даже с матерью или старшей сестрой. В другое время он охотно присоединился бы к веселой шумной компании своих сверстников, среди которых, кстати, была и юная принцесса Анарниэль. Но не сегодня.

Эркель вздохнул, приподнял голову над краем лодки, и оглядел берег. Он был пуст. Невдалеке, величественно паря над морем, возносил в небо свои башни замок Олломар. Перегнувшись через борт, мальчик приблизил лицо к мерно вздымающейся поверхности моря и опустил руки в прозрачную воду. Длинная каштановая пряда, выскользнув из плена шелковой ленты, коснулась воды и заколыхалась в ней янтарными нитями. Мальчик пристально вглядывался в глубину, и внезапно, повинуясь неувловимому движению его длинных аристократичных пальчиков и повелительному блеску синих глаз, несколько гладышей с морского дна медленно поднялись к нему прямо в ладони. Он довольно хихикнул, и, сграбастав камни в горсть, выудил их из воды. Усевшись в лодке на колени и разложив добычу перед собой, он увлеченно приступил к недавно освоенной им игре. Камушки, послушные его воле и движениям рук, то повисали в воздухе, то облетали вокруг лодки, то, посланные в цель удивительной, еще совсем незнакомой ему силой, пугали садящихся неподалеку от него на воду чаек. Эркель смеялся, от души забавляясь тем, как напуганные неожиданной атакой птицы, хлопая по воде крыльями, взлетали с громкими возмущенными криками.

Солнечные блики играли на воде, ослепляя, и будущее казалось таким же ослепительным и ярким. Мальчик просто играл.

***

Покоиться, замерев в ворсистом, мягком, плотно охватывающем тело коконе абсолютной тьмы и тишины было так правильно, так справедливо и так уютно. Но, к великому сожалению Эркеля, сознание, сыгравшее с ним злую шутку, постепенно возвращалось к нему. Проступившие сквозь плотное черное безмолвие звуки обретали форму и смысл, трансформируясь в слова. Он внутренне напрягся, разобрал в общем потоке звуков, доносившихся, словно из-под земли, её голос.

– Я вижу, мы подросли вовремя. Как видишь, ничего страшного не случилось.

– Если бы мы повременили еще, то, возможно, опоздали бы.

– Да уж. Не знаю, что он собирался делать, но, по-моему, ничего хорошего нам всем это не сулило. Как вам удалось разминуться с ним? – голос Вайры раздался над самым ухом мага.

– Не знаю. Честно говоря, мы и не предполагали, что можем с ним столкнуться, поскольку были уверены, что его нет в живых. Так что для нас это настоящий сюрприз, – мужчина говорил спокойно, но в голосе слышались нотки волнения.

– Для меня тоже, поверь. Знать бы еще, какой – приятный или нет.

– Вот только узнать нам ничего не удалось. Проводник привел нас туда, куда было нужно, двери были открыты и мы беспрепятственно проникли в его комнаты. Не перестаю удивляться, как мы могли быть так беспечны! Зажгли свечи, осмотрели первые две комнаты, и только в третьей поняли, что их только что оставили.

– Вот как? И как же вы догадались? – послышался смешок Вайры, и Эркеля перевернули на спину.

– Постель была смята, а на полу – мокрые следы от окна к двери. Нас словно молнией ударило, сразу подумали о вас с Ори. Я порывалась было бежать к вам сразу, но брат все же воспользовался возможностью и наспех перерыл все в комнате. Только, знаешь, мы ничего не нашли.

– Не беда. Все, что нужно, я узнала. Даже больше, чем предполагала.

– Ты узнала, где камни?

– Ага. Помогите-ка мне, – голос Вайры напрягся, и Эркель почувствовал, как его переворачивают и перекатывают с бока на бок. – Перстень с рукиними.

– А это еще зачем?

– Что?

– Зачем связывать ему руки?

– Я бы для верности еще и рот ему завязала.

– Такие предосторожности. Нас здесь четверо, а он один. Неужели мы не справимся в случае необходимости?

– Боюсь, что нет. Дай мне кольцо.

– Вайра, послушай, это действительно так необходимо?

– Да, Анарниэлль, да! В противном случае через минуту после того, как он очнется, вы все окажетесь в таком же положении, как Ори. Кстати, как он?

– Я уже в порядке, Вайра, спасибо. Голова только болит.

– Хорошо. Я имею в виду, хорошо, что ты в порядке. Тогда помоги перетащить его.

Эркель, еще не вполне осознавая, что происходит, безропотно позволил усадить себя в кресло, в крайне неудобную позу – связанные за спиной руки уперлись в спину. Но, почувствовав, как кусок ткани плотным жгутом обернулся вокруг лица, закрывая рот, а узел больно потянул попавшие в него волосы, он протестующе замычал.

– Вайра, он приходит в себя! – произнес мужской, смутно знакомый голос.

Эркель скорее ощутил, чем услышал, как возле него собралась вся компания визитеров. «Интересно, сколько их всего?» – вяло подумал он, и, помедлив, приоткрыл глаза. Прямо перед собой он увидел Вайру, которая присела на корточки и испытующе смотрела ему в лицо. Увидев, что он открыл глаза, она улыбнулась.

– Потрясающая вещь – элемент неожиданности, не так ли? Вот мы и поменялись местами, и теперь ты спеленат по рукам и ногам. Но заметь, – она подняла вверх указательный палец, на котором свободно болтался его перстень, – ты не валяешься на сквозняке, на голом полу, а с комфортом располагаешься в собственном кресле. Я ли не добра? Ну ладно, это все мелочи. Думаю, здесь есть кое-кто, с кем ты бы наверняка хотел пообщаться.

Она поднялась и отступила в сторону. Эркель поднял глаза, стараясь унять дрожь. Сомнений быть не могло, это была она, Анарниэлль. А рядом с ней, держа её за руку, стоял Сарлис. Даже не будь у Эркеля завязан рот, он вряд ли бы был способен произнести хоть слово в этот миг. Они оба были живы, принц и принцесса, дети короля Мэнелгила. Он закрыл глаза и судорожно вздохнул.

– Я сниму тебе повязку, если ты обещаешь, что не причинишь нам вреда, – в спокойном голосе Веры слышалось понимание и доверие.

Эркель медленно кивнул, не открывая глаз, тугой узел на затылке ослаб, и повязку сняли. Ему было не до нападения. Он был повержен, раздавлен, и сил оставалось только на то, чтобы держать себя в руках.

Вера потянула Ори за рукав, поманила его за собой, и они вышли за дверь, оставив эльфов наедине с магом. Рассвет бился грудью в высокие окна, просачиваясь сквозь стекла, и размазывался на холодных стенах розовыми потеками солнечного света. Устроившись непо-

далеку, так, чтобы дверь в кабинет оставалась в поле зрения, они стали ждать. Вера потянула створку окна, и влажный морской воздух, наполненный свежестью утра, криком чаек и шумом прибоя, ворвался за настороженно затаившиеся стены замка. Ори, всерьез страдающий от головной боли после того, как Вера без лишних церемоний вывела его из состояния вынужденного сна, с наслаждением подставил лицо соленому ветру. Вера, взглянув на несчастное выражение лица довгара, сочувственно улыбнулась. В эту ночь ему досталось.

Она облокотилась на раму, любуясь открывающимся из окна видом. Далеко на запад, до самого горизонта, на сколько хватало глаз, расстилалось море. Немного левее от отвесных скал, на которых возносил в небо увитые плющом стены замок Эркеля, располагалась небольшая бухта с песчаным пляжем и единственным причалом. Попастъ туда можно было по широкой, вытесанной в скалах в незапамятные времена, лестнице. У причала покачивалось на волнах небольшое двухмачтовое судно, еще несколько рыбацких лодочек сушились на прибрежном песке. И бухта, и пляж, и причалы были укрыты от поднимающегося над морем солнца тенью нависающего над ними замка. Там, куда дотянулась острая многоголовая тень, море оставалось безжизненно-серым, тогда как за её пределами оно сверкало розовыми и золотыми блестками.

– Сюрреализм какой-то, – пробормотала Вера, глядя, как неохотно, цепляясь за каждый каменный выступ, за каждый пенный гребешок набегающей волны, тень сдает свои позиции разгорающемуся дню, уползая под укрытие холодных каменных стен, вжимаясь в скалы у подножия замка, прячась в беспорядочном переплетении побегов плюща.

– Потрясающе, правда, Ори?

– Что?

– Еще вчера вечером мы были в сотнях километров отсюда, глотали степную пыль, а теперь наслаждаемся видом на морское побережье. Не желаешь освежиться?

– Каким образом?

– Искупаться. Вода, наверное, просто замечательная.

– И каким образом ты собралась это сделать? Спуститься по лианам? – Ори усмехнулся. – Или попросить у хозяина ключ от парадного входа?

– Н-да, действительно. Что ж, отложим купание до более благоприятных времен. А все же, как было бы здорово, – Вера мечтательно прикрыла глаза.

– Меня больше заботит другое, – Ори оглянулся на открытую дверь. – Интересно, о чем они там говорят?

– О чем? А о чем бы говорил ты со своими давними друзьями, или недругами, после долгого отсутствия?

– Я? – Ори задумался. – О многом.

– Ты скучаешь по дому? – Вера заглянула довгару в лицо.

Спокойные серые глаза задумчиво смотрели вдаль. Помедлив, он кивнул.

– Да, скучаю. Скучаю по родным местам, по Ирве и Айне. Иногда говорю с ними во сне. Скоро год, как мы покинули Гленартан. Хотелось бы надеяться, что все наши усилия не напрасны.

– Конечно, не напрасны, Ори. Вот увидишь, в скором времени все образуется. Я теперь знаю, где камни, в скором времени мы их добудем, ты вернешься домой, и будешь рассказывать внукам о своем путешествии на край земли.

Вера ободряюще улыбнулась и подмигнула довгару, хотя в душе отнюдь не испытывала той уверенности, которая прозвучала в её голосе.

– Твоими бы устами, – Ори с признательностью за поддержку взглянул на Веру. – Хотя насчет внуков ты, мне кажется, поторопилась.

– Это почему же? А может быть, Ирве уже женился, а, Ори? – лукаво взглянула Вера на него.

– Нет.

– Почему ты так считаешь?

– Он не может жениться без благословения обоих родителей. Я знаю, что Айна одобрит любой его выбор, но все равно, следуя обычаям нашего народа, он будет ждать моего возвращения.

Довгар нахмурился, и несколько минут угрюмо молчал. А потом, запинаясь, произнес:

– Могу я попросить тебя?

– О чем?

– Возможно, что мне не суждено будет вернуться. Если так случится, передай Ирве моё отцовское благословение. Обещаешь?

– Перестань, Ори, – поморщилась Вера. – Все сложится хорошо. Пролетит-перемелется. Ты сделаешь это сам.

– Да, я знаю. Но, все же, если что-то... Ты передашь?

– Не сомневайся, Ори. Я сделаю так, как ты просишь.

– Спасибо.

Они замолчали, думая каждый о своем и глядя на бесконечный морской простор.

Эркель наконец отважился открыть глаза и прямо взглянуть на стоящих перед ним эльфов. Анарниэльль была так же прекрасна, как и тогда, но в черных глазах не было той былой легкости, беззаботности. Теперь их выражение напоминало выражение его собственных глаз, разве что не было в них затаенной жестокости и мстительной мрачности. Иное дело Сарлис. Взгляд его огромных черных очей пылал неприкрытым отвращением и ненавистью. И Эркелю это было понятно. Он отвел глаза от несостоявшегося шурина, и устремил его на эльфийку.

– Значит, ты жива.

– Так ты считал, что я умерла?

– Я был абсолютно уверен в этом, ведь я сам видел твоё тело на Семи холмах. Все это время твоя смерть служила мне хоть слабым, но утешением. Что за сила подняла тебя из мира теней?

– Ты говоришь так, словно тебе больно видеть меня среди живых.

– Да, ты права. Мне больно сознавать, что убийцы моей сестры еще живы. Что здесь сейчас говоришь со мной ты, а не она.

Эркель повернул голову в сторону ниши, откуда на них с тихой улыбкой взидала нарисованная Эариндель. Эльфы проследили его взгляд, и на несколько минут в комнате повисла тишина. Первым вздохнул Сарлис.

– Эариндель. Как она прекрасна.

– Она была прекрасна, эльф. Была. И по чьей вине, ответь мне? Разве не по вашей? Ведь это произошло в вашем доме, так кто приказал сделать это? Ваш отец? Мать? Ты? Или она, твоя сестра?

– Опомнись, Эркель! – Анарниэльль с возмущением прервала мага. – Как вообще в твою голову могла прийти подобная мысль? Эарин была моей подругой, так неужели я могла бы совершить подобное?

– Возможно.

– Но зачем?

– Вам лучше знать! – не сдержавшись, воскликнул Эркель. – Какие интриги плелись вами за нашими спинами? Что за причины побудили так жестоко поступить с ней, со мной?

– Жестоко!? – брови принца-эльфа сошлись на переносице, он сделал шаг вперед, машинально сжав затянутой в перчатку рукой рукоять меча. – И это ты говоришь о жестокости?! Ты, истребивший десятки тысяч своих соотечественников, предавший свой народ и обрекший его на страдания? Ты не имеешь ни малейшего права обвинять никого из нашей семьи в том, что случилось тогда!

– Сарлис прав, Эркель, – Анарниэльль успокаивающим жестом остановила брата. – Твои обвинения абсолютно беспочвенны. Это ложь, которую кто-то преподнес тебе, как истину, и заставил поверить в неё. Я даже могу назвать имя того, кто воспользовался твоим горем в собственных целях, а, возможно, и сам причинил его тебе. У меня есть основания предполагать, что все это дело рук Гилэстэла. Не исчезни ты так внезапно в ту ночь, все могло бы обернуться по-другому. Мне следовало удержать тебя, не дать Гилэстэлу увести тебя с собой. Но мы все были так подавлены случившимся, что не сразу осознали последствия. Потом надеялись, что еще есть время, а его уже не было.

– Замолчи! Ты... – вскочив, Эркель задохнулся возмущением. – Ты не смеешь обвинять магистра! Он единственный, кто разделил со мной всё горе, кто принял часть этого удара. Он поддерживал меня все эти годы, он стал мне отцом.

Сарлис потемнел лицом, и, пронзив Эркеля взглядом агатовых глаз, тихо, еле сдерживаясь, вымолвил:

– Отцом? Твой отец, Эарнил Жемчужный, погиб. Утонул на переправе.

– Утонул? – на мгновение забывшись, недоверчиво переспросил его Эркель. – Что ты такое говоришь? Он был лучшим ловцом жемчуга в Олломаре, он не мог утонуть!

– Но не со стрелами в груди, – скривившись, Сарлис снизу вверх смотрел на стоящего против него мужчину. – Их было четыре. Более чем достаточно для любого, даже лучшего из лучших. А ты теперь называешь отцом того, по чьему приказу творился весь этот кошмар. Какая же ты...

Сарлис не договорил, и нелестный эпитет, которым он хотел наградить мага, так и остался невысказанным. Отшвырнув в сердцах со своего пути низенькую скамеечку, эльф отошел на несколько шагов, не желая более видеть лица собеседника, и остановился у окна. Анарниэльль, прижав пальцы к губам, с укором смотрела на Эркеля. Потом, вздохнув, кивнула ему.

– Присядь. Давай поговорим спокойно. Без обвинений, без оскорблений. Я понимаю, что прошло уже столько времени, что ты сжился с мыслью о том, что в гибели Эарин повинна я или кто-то еще из нашей семьи. Я не буду пытаться тебя разубедить, я просто изложу известные мне факты. Ты сам решишь, во что тебе поверить. Просто выслушай меня, ладно?

– Хорошо, – маг медленно и настороженно опустил голову в знак согласия. – Но только факты. Поостерегись высказывать свои суждения относительно магистра.

– Договорились.

Анарниэльль придвинула к креслу, в котором разместился Эркель, стул с высокой резной спинкой, присела на краешек, раздумывая, с чего начать.

– Ты помнишь тот день, Эркель? День нашей помолвки?

– В мельчайших деталях, Анарниэльль. Хотя иногда мне хочется забыть все, что произошло тогда.

– А когда ты видел Эарин в последний раз, помнишь?

– Конечно. Я прибыл во дворец за два дня до торжества, один, так как Эариндель находилась в Норхете. Мне известно, что она вернулась в Олломар только утром предшествующего празднику дня, и прибыла в столицу всего лишь за три часа до начала бала. Я увиделся с ней уже там, она хотела поговорить со мной о чем-то важном. Мы так и не договорили, я настоял тогда на том, чтобы повременить с делами. Это был последний миг, когда я видел её живой. До сих пор не могу простить себе, что не выслушал её тогда.

– Да, Эркель, возможно, прислушайся тогда ты к её словам, не случилось бы того, что случилось.

– О чем ты?

– Эариндель хотела поговорить с тобой о Гилэстэле, и заговоре, который он готовил против отца.

– Ты опять? Я же просил тебя...

– Но это правда, Эркель! Она задержалась в пути, направившись из Норхета домой, а не в столицу, думая застать тебя там, и рассказать обо всем, но тебя и вашего отца не было в Олломаре. Эарин потратила время на дорогу от Жемчужного замка до дворца короля, и это обернулось бедой для всех нас. Она успела переговорить лишь со мной, не желая смущать короля, так как все же у неё были сомнения относительно сделанных ею выводов. Дело в том, Эркель, что твоя сестра вывезла из Норхета доказательства того, что Гилэстэл – предатель и изменник. Я попытаюсь рассказать все по порядку, так, как рассказала мне Эариндель, и быть может, ты мне поверишь.

Эариндель, как и многих из эльфов, давно смущали странные слухи, ползущие по стране. Об этом шептались люди в трактирах, на городских площадях, на рынках. Такое бывало и раньше, но в этот раз все выглядело по—другому. И раньше никогда не доходило до крови, а тогда, что ни день, случались странные и страшные вещи. На местах трагедий и телах убитых людей находили принадлежащие эльфийской знати вещи и оружие. Мелкие смуты и разногласия вырастали в казни и кровавые стычки. Ты должен помнить, одним из пострадавших был знакомый тебе по Норхету полуэльф. Кажется, его звали Лейнолл.

– Его и сейчас так зовут, он мой друг и один из семи магов.

– Вот-вот. Тебе это ничего не напоминает? Было еще несколько подобных случаев, когда жертвой роковых обстоятельств становился полукровка. И магистр не оставался безучастным к их судьбам, он скорбел вместе с ними, искренне сочувствовал им и брал под свое крыло. Помнишь трагедию в Золотом лесу?

– Помню. Улле. Он тоже с нами.

– Уже тогда Эарин заподозрила неладное. Поэтому и отправилась в Норхет. Она хотела переговорить с магистром, и попытаться выяснить, с какой целью он собрал в своем замке этих учеников. Она помнила, что и ты в свое время увлекался магией, и отдал этому занятию ни много, ни мало – два десятка лет, и Гилэстэл признавал, что ты был в числе лучших. Она рассчитывала, что её визит смутит магистра, но его цинизм оказался куда как выше, чем она могла предположить. В приватной беседе, в ответ на её робкие вопросы и туманные намеки он рассмеялся, и выложил ей весь свой план. Эариндель была поражена и напугана его честолюбием и амбициями. Он спокойно объяснил, что в скором времени собирается занять место короля, и предложил ей стать королевой в новом королевстве. Естественно, она отказалась, и пригрозила ему, на что в ответ он совершенно серьезно ответил, что убьет её, а тебя перетянет на свою сторону, если она хоть словом обмолвится о предстоящем перевороте. Но твою сестру, Эркель, было не так-то легко напугать. Ей удалось сделать то, чего не удалось бы сделать другой женщине. Отличающийся особенным педантизмом и любовью к порядку, Гилэстэл вел дневники, где подробным образом записывал все события, планы, мысли. Там же описал он и те грязные методы, с помощью которых ему удавалось привлекать на свою сторону некоторых из будущих соратников. Так вот, Эариндель сумела вывезти эти записи из замка, чем, естественно, привела магистра в ярость. Из Норхета она поспешила сразу домой, но, не найдя тебя там и опасаясь, как бы эти драгоценные записи не пропали по дороге или до того, как она сумеет предъявить их королю в доказательство, она спрятала их здесь, в Олломаре. Рассказать о них она успела лишь мне, но точное местонахождение дневников магистра так и не открыла. После гибели Эарин я говорила с отцом о Гилэстэле, но отсутствие доказательств и его сомневающийся характер сыграли свою роковую роль. Должна признать, я пробовала искать эти дневники, но безрезультатно.

– Ты была в замке в мое отсутствие?

– Да. Я была здесь, и говорила с твоим отцом. Мы вместе обошли весь замок, но ничего не нашли. Возможно, не исчезни ты тогда, мы могли бы...

– И что? Что мы могли бы? Ты утверждаешь, что гибель Эариндель – дело рук магистра. У меня же несколько другой взгляд на это. Иначе, каким образом в её руках оказался обрывок

твоего платья? Разве это не Эарин, пытаюсь удержаться, порвала его, когда ты столкнула её с террасы? Отвечай!

– Нет, Эркель! Я все могу объяснить. Я расскажу, что я видела в тот вечер.

Глава 3

Бал был в самом разгаре. Однако, сколько не оглядывала Анарниэльль заполненный гостями зал, как ни высматривала в пестрой толпе пепельные волосы подруги, Эариндель нигде не было видно. Принцесса знала, что Эарин предпочитает тишину шумным сборищам, но все же, было нечто пугающее в её отсутствии. Пропустить такое событие, как их с Эрке-лем помолвка? Тень беспокойства задела сердце, и Анарниэльль, ласково коснувшись щеки Эркеля губами, сказала, что ненадолго оставит его одного. Погрозив пальчиком, украшенным его подарком, лукаво предупредила, чтобы он не засматривался на других девушек, и упорхнула из зала на поиски подруги. Она не заметила, как следом за ней, неприметный в своих блеклых, цвета золы, одеждах, таясь за колоннами и вазонами с пышными кустами роз, серым призраком скользнул один из прибывших на бал с Гилэстэлом полуэльфов.

Анарниэльль шла по коридорам, ярко освещенным разноцветными фонариками и украшенным гирляндами живых цветов туда, где располагались комнаты Эариндель. Она надеялась, что та, утомленная долгой дорогой и напряжением последних дней, просто отдыхает в ласковой свежести летнего вечера, наполненного ароматами цветущего сада. Внезапно, словно материализовавшись прямо из воздуха и заставив её вскрикнуть от неожиданности, перед ней появился магистр.

– Гилэстэл! – Анарниэльль остановилась, и, прижав руку к груди, перевела дух.

– Я напугал тебя? Прости, это ненамеренно, – Гилэстэл улыбнулся и, повернувшись, предложил ей руку. – Разрешить тебя проводить?

– Пожалуйста, – Анарниэльль, памятуя о недавнем разговоре с Эариндель и опасливо покосившись на неожиданного спутника, нерешительно оперлась на его локоть.

– Ты бродишь по замку одна? Разве тебе не полагается быть внизу, среди гостей, затмевая своей красотой остальных женщин, и радуя взор будущего супруга?

Они медленно двинулись в прежнем направлении. Гилэстэл смотрел сбоку ей в лицо, слегка улыбаясь, то ли насмешливо, то ли просто довольный этой встречей.

– Мне нужно найти Эариндель. Я не видела её с самого начала праздника. Странно, не правда ли? – Анарниэльль внимательно взглянула на магистра, пытаясь разгадать значение его улыбки.

– Ничуть, – магистр пожал плечами. – Эариндель утомилась, она ведь проделала такой длинный и тяжелый путь. Я больше, чем уверен, что она просто отдыхает где-нибудь в укромном уголке в саду. Знаешь, я не перестаю ей удивляться. Она редко бывает у меня в гостях, но всякий раз её приезд бывает ознаменован удивительными событиями. Она умна, прозорлива, и всегда выносит из этих поездок для себя нечто новое. Что-то, что раньше было для неё тайной, – Гилэстэл дернул углом рта. – Первый раз Эарин появилась в Норхете, когда туда прибыл Эркель, движимый желанием обучаться искусству магии. Мне жаль, что он так внезапно прервал обучение. Твой избранник невероятно талантлив, Анарниэльль, но непостоянен в своих стремлениях. Со временем ты в этом убедишься, принцесса. Постоянство – не его стезя. Чего нельзя сказать обо мне. Я верен, Анарниэльль, верен себе. Ты понимаешь, о чем я? Жаль, что ты, да и твой отец, Мэнелгил, пренебрегли этим моим свойством в своё время. Не то чтобы твой выбор огорчил меня, но все же. Мне жаль, Анэль. Жаль.

Они остановились, и Анарниэльль, неосознанно повинуясь его движению, повернулась к магистру лицом. Он больше не улыбался. Его глаза, словно озера голубого льда, на дне которых нельзя было разглядеть ничего, кроме темноты, заставили её внутренне сжаться. Внезапно сильные руки магистра стиснули её плечи, и жаркий поцелуй сухих губ обжег её. Мгновенно ослабев от такого поворота событий, она повисла в его объятиях, словно сорванный и высушенный полуденным зноем цветок. Пальцы Гилэстэла, ощутив податливость её тела,

стали настойчивее, и ткань, жалобно затрещав, поползла с её плеча, обнажая бархатную кожу. Звук рвущегося платья отрезвил эльфийку, заставил упереться ладонями в грудь и оторваться от ненасытных губ. Мечущиеся в панике глаза остановились на лице Эариндель. Появившись из раскрытых дверей своих апартаментов, она с немым изумлением наблюдала эту, весьма недвусмысленную, сцену. Анарниэльль вскрикнула, и, оттолкнув магистра, рванулась из его цепких рук. Нежная ткань не выдержала столь грубого обращения, и левый рукав повис кло-чьями. Закрыв лицо руками, и разрыдавшись, Анарниэльль бросилась бежать по коридору, наткнувшись в спешке на один из вазонов с розовыми кустами. Острые шипы сорвали с плеча повисший лоскут с несколькими нашитыми на него жемчужинами, и слегка поцарапали белую кожу.

Гилэстэл, облизнув тонкие губы, усмехнулся, глядя вслед удаляющейся Анарниэльль. Потом он подошел к кусту, снял с его веток лоскуток цвета морской волны, поднес его к носу, и только после этого повернулся к Эариндель, которая неприязненно и с некоторой опаской наблюдала за его действиями.

– Все никак не успокоишься, а, Гилэстэл? День без гадостей для тебя проходит впустую?

– Эариндель, ты несправедлива по отношению ко мне, – поигрывая обрывком ткани и склонив голову набок, прищурился магистр. – А вдруг я тоже люблю её?

– Учитывая то, что я знаю о тебе, эта возможность исключена полностью. Ты не способен на это.

– Зря ты так думаешь, Эарин. Моё предложение остается в силе, ты вполне можешь оценить эту мою способность.

– Благодарю, – брезгливо скривилась Эариндель, перешагивая порог и направляясь по коридору в сторону, противоположную той, куда убежала Анарниэльль. – Но я вынуждена тебе отказать еще раз. По причинам, которые я изложила в предыдущем нашем разговоре.

– Что ж, выбор сделан, – качнул головой Гилэстэл, и, поравнявшись с эльфийкой, спросил, – Куда ты сейчас?

– На бал. А потом к королю, Гил. К королю Мэнелгилу. Он должен знать о тебе то же, что знаю я.

– погоди, Эарин, – магистр попытался остановить её, взяв за руку, но Эариндель выдернула пальцы из его ладони.

– Давай поговорим, последний раз. Возможно, мне удастся переубедить тебя. Прошу, Эариндель!

– Нет.

– Эарин!

– Нет.

– Всего несколько минут, Эарин! Смотри, терраса, давай присядем, – магистр повел рукой в сторону проема, ведущего на широкий балкон.

– Ну, хорошо. У тебя три минуты.

Эариндель, уступив настойчивым просьбам полуэльфа, свернула за увитую голубыми и белыми вьюнками арку. Гилэстэл, облегченно вздохнув, двинулся за ней, но, прежде чем шагнуть на открытую полукруглую, с невысоким ограждением, террасу, оглянулся на пустой коридор. В ответ на его безмолвный приказ из-за прикрытия колонны вынырнула невидимая ранее фигура и заняла место в тени кудрявых плетей.

Анарниэльль, уткнувшись мокрым лицом в подушки и свернувшись калачиком на ложе, старалась успокоиться. Напуганная и пристыженная не столько недостойным поведением полукровки, сколько неожиданным появлением Эариндель, она лихорадочно пыталась подыскать подходящее для подруги объяснение случившемуся. Немногие знали о том, что однажды Гилэстэл просил её руки у короля, но Мэнелгил отказал ему. Не потому, что счел будущего магистра недостойным претендентом на руку наследницы. Он любил свою дочь, и хотел только

одного – чтобы она была счастлива. И, если бы Анарниэлль изъявила желание стать невестой Гилэстэла, король закрыл бы глаза даже на то, что будущие супруги – родственники. Но принцесса не приняла предложения, и Гилэстэл, уязвленный и обиженный, надолго покинул столицу. Он появился там снова спустя много лет, уже именуя себя магистром. Король принял его помощь и дружбу, и со временем «Норхетский затворник» стал почетным гостем при дворе. Никто больше не вспоминал о давнем инциденте, включая и самого Гилэстэла. До сегодняшнего вечера.

Анарниэлль села, поправляя волосы и с сожалением осматривая порванное платье. Эркелю не стоило знать о происшедшем, а вот с Эариндель следовало поговорить, прямо сейчас. Она поймет. Анарниэлль сбросила испорченное платье и переделалась. Взглянув на себя в зеркало, поморщилась – вечер был отравлен.

Приоткрыв двери в покои подруги, принцесса негромко окликнула:

– Эариндель?

Ответа не последовало. Анарниэлль вошла и огляделась. В комнатах было пусто. Разочарованно вздохнув, она медленно прикрыла двери и уже хотела идти искать Эариндель вниз, как вдруг услышала голоса. Они доносились с одной из террас, громкие ровно настолько, чтобы различить голоса Гилэстэла и Эариндель, но отдельных слов было не разобрать. Ясно было только то, что они о чем-то ожесточенно спорят. Анарниэлль остановилась, не решаясь вмешаться и раздумывая, дожидаться ли здесь окончания их разговора, или встретиться с Эариндель в большом зале. Приняв решение, она хотела было уже незаметно проскользнуть мимо, как вдруг с террасы послышался испуганный крик. Принцесса, предчувствуя недоброе, бросилась туда, откуда донесся голос. Под самой аркой, увитой стеблями и листьями живых цветов, она лицом к лицу столкнулась с Гилэстэлом, ткнувшись ему в грудь.

– Анарниэлль! – воскликнул магистр, ловя её руки и не давая пройти дальше. – Сестричка, ты все же неравнодушна ко мне. Сама падаешь в мои объятия.

Магистр засмеялся, удерживая эльфийку и подтягивая её к себе.

– Пусти! – дернулась Анарниэлль. – Где Эарин? Я слышала её голос. Что ты с ней сделал?

– Я? Ничего. Мы просто немного поговорили.

– Я хочу видеть её, хочу убедиться!

– Ты мне не доверяешь?

– Нисколько.

– Напрасно.

– Эариндель! Эарин! Ты в порядке?

Анарниэлль удалось, наконец, вырваться из крепких рук и броситься вглубь террасы. Гилэстэл со странной усмешкой глядел ей вслед, щури светлые глаза. Принцесса, словно её толкнули в грудь, остановилась. Эариндель, опираясь о края парапета, смотрела вниз. Услышав её голос и шаги, она резко повернулась.

– Эарин! Я проходила мимо и... Все в порядке? Мне показалось, ты кричала.

Эариндель отошла от края, и, улыбнувшись, покачала головой. Улыбка показалась несколько напряженной.

– Нет, Анарниэлль, все в порядке. Меня напугала птица.

Голос был тих и казался чуть ниже, чем обычно.

– Птица? – принцесса с недоумением взглянула в ночное небо.

– Не придавай этому значения. Иди, тебя, наверное, ждут.

– А ты?

– Я скоро буду.

– Эарин, я хотела поговорить о... Объяснить... В общем, о том, что произошло у твоих дверей.

– О чем? Ах, да, – Эариндель смутилась, словно не поняв вопроса. – Давай отложим это до окончания праздника, хорошо?

– Ну, если ты так хочешь. Идем?

Анарниэль сделала шаг в сторону подруги, намереваясь взять её за руку, но та внезапно отпрянула, выбросив вперед вытянутые в её сторону руки. На одном из пальцев, притягивая взгляд, блеснул перстень с черным цирконом.

– Нет!! Извини, я приду чуть позже. Мне нужно побыть одной. Иди же! – отвечая на непонимающий взгляд принцессы, поправилась Эариндель.

– Ну, хорошо, – недоуменно оглядываясь на оставшуюся и глядевшую ей в спину эльфийку, Анарниэль покинула террасу. Гилэстэла уже не было, видимо, он спустился в зал. Она в последний раз оглянулась на белеющий в темноте силуэт на террасе, и, огорченно и потерянно пожав плечами, ушла. Едва её шаги стихли, как Эариндель снова отступила к краю и глянула с высоты вниз. Её губы разомкнулись в удовлетворенной полуулыбке, светлый силуэт дрогнул, размылся и через несколько секунд на террасе вместо девушки, опираясь ладонями на края балюстрады, появился одетый в серые одежды темноволосый полуэльф с жестким взглядом глаз цвета пасмурного неба и циничной улыбкой на тонких губах. Подняв голову и подмигнув поднимающейся над замком полной красной луне, он торопливым бесшумным шагом покинул террасу.

***

– Вайра, тебе не кажется, что они что-то уж слишком долго? – Ори оглянулся на открытые двери.

– Дай им время, Ори, – Вера тоже повернулась в ту сторону, куда смотрел довгар, и боковым зрением уловила движение в другом конце длинного коридора. Одновременно раздался грохот и звон бьющейся посуды. Солнце уже старалось вовсю, заливая светом раннего утра дворцовые коридоры, и Вере без труда удалось разглядеть того, кто нарушил их спокойствие. С изумлением и страхом глядя то на Ори и Веру, то на настезь раскрытые двери кабинета хозяина, к ним быстрым шагом приближалась старуха-служанка. Вера узнала её, это она наряжала её на ужин к Эркелю. Ори же видел её впервые, и, предусмотрительно загораживая дорогу, пробормотал:

– Это что еще за карга?

Старуха, оказавшись удивительно юркой, намеревалась проскочить мимо него прямо к двери, но Вера вовремя ухватила её за край одежды. Дернув за ткань, она рывком подтянула служанку к себе.

– Что вы сделали с господином?! – зашипела та, вырываясь из её рук с расчетом пробиться к кабинету.

– Успокойся, с ним все в порядке.

– Я хочу видеть лорда Эркеля! – продолжала упорствовать старуха, повышая голос. – Если с ним что-то случилось, я лично выцарапаю твои зеленые буркалы! Зачем ты сюда явилась? Не получилось убить его в прошлый раз, так ты решила это исправить? Рыжая гадина! Я сейчас позову стражу! Эйер...

Ори закрыл старухе рот широкой ладонью, а Вера, глядя в её блеклые, наполненные злостью и неприязнью, глаза, резким тоном остудила её пыл:

– Замолчи! Я же сказала, ничего с ним не случилось! А будешь так орать, я тебя усыплю, ясно? Тогда уж точно не узнаешь, что с твоим лордом Эркелем случилось. Поняла меня?

Старуха притихла, переваривая услышанное и глядя на Веру, а потом мотнула головой в знак согласия.

– Отпусти её, Ори.

Ори разжал руки, и служанка отступила от него на шаг.

– Ты, кажется, несла хозяину завтрак? – Вера посмотрела туда, где на полу валялись черепки разбитой посуды, а по полу между разбросанными кусками пищи растекалась лужица из вина. – Вот что, неси-ка сюда завтрак на пятерых, а то я и мои спутники изрядно утомились. Заодно и хозяина увидишь.

Служанка возмущенно вскинула голову, давая понять, что она бы им не завтрак, а кое-что другое преподнесла. Но Вера покачала головой, и с нажимом произнесла.

– Смотри, не навреди себе сама. Если что, ему же хуже будет.

Хмыкнув и демонстративно повернувшись к ней спиной, старуха еще несколько минут постояла, глядя на раскрытые двери, и пытаясь уловить хоть один исходящий оттуда звук. Потом, поминутно оглядываясь, но не на Веру, а на двери, засеменила туда, откуда появилась. С раздражением отпихнув ногой с дороги валяющиеся на полу осколки и черепки, она скрылась за поворотом.

– Зря ты еёпустила, Вайра, – с укором посмотрел на Веру Ори. – Сейчас сюда толпа стражников примчится.

– Не примчится. Старуха не глупа, и в состоянии оценить ситуацию. Она ведь не стала удирать, как только увидела нас, а наоборот, рванула проверять, жив ли её драгоценный господин. Думаю, ей благополучие хозяина важнее, чем наша смерть. Так что не волнуйся, и предвкушай скорую трапезу, – усмехнулась Вера, снова поворачиваясь к раскрытому окну.

– И это всё? – пренебрежительно бросил Эркель, выслушав Анарниэлль.

– Тебе этого мало?

– То, что ты слышала их спор на террасе, еще ни о чем не говорит. Все равно ты была последней, кто видел Эарин живой.

– Я в этом не уверена, Эркель, – помолчав, вздохнула Анарниэлль, и покосилась на руку Эркеля, носившую перстень. Сейчас кольца на ней не было, но Анарниэлль помнила его.

– Объясни.

– Если я не ошибаюсь, ты носишь рубин в своем перстне?

– Да.

– И я, и Сарлис видели подобные украшения на руках остальных магов. Это знак власти?

– Не только. Это больше магический предмет, чем просто символ. Они подбираются по индивидуальным характеристикам каждого, и являются чем-то вроде концентраторов силы. Почему ты спрашиваешь?

– Видишь ли, точно такое кольцо я видела на руке Эариндель в день её гибели, в тот момент, когда мы встретились на террасе, после инцидента с Гилэстэлом.

– Это невозможно, Анарниэлль. Тебе показалось. Эти кольца изготовлены для конкретных носителей с совершенно конкретными целями и характеристиками.

– Погоди, Эркель, подумай. Кто из семи Серых носит перстень с черным камнем?

– Черным? – взгляд мага потемнел, скептическое выражение на лице сменилось озадаченностью. – Черный циркон – это камень Астида.

– Астида?

– Да, именно он носит его в своем перстне.

– Вот тебе и ответ. На балконе со мной говорила не Эариндель. Потому что в это время она уже была мертва. Со мной говорил Астид. Они, Гилэстэл и Астид, повинны в гибели твоей сестры.

Полуэльф застыл, как изваяние, распахнув синие глаза. Слова Анарниэлль резанули по сердцу, причиняя невыносимую, почти физическую боль. Он не мог, не хотел принять это, в синих глазах плескалось отрицание, нашедшее, наконец, выход в виде пронзительного гневного вскрика:

– Ложь! Ты лжешь! Ты просто пытаешься опорочить магистра и моих друзей в моих глазах, грязно и недостойно приписывая им то, чего они не совершали!

Эркель вскочил, и обвиняющим жестом вытянул руку в сторону Анарниэльль. Сарлис, моментально среагировав, заслонила собою сестру, наполовину вытянув из ножен меч.

– Я не лгу! – Анарниэльль, пренебрегая защитой, рванулась навстречу магу. – Если ты хоть немного пораскинешь умом, то поймешь, что я права! Спроси своего благодетеля, спроси Гилэстэла, предъяви ему его дневники, и ты увидишь, что я права!

– Замолчи!!! Замолчи, – маг снова опустил в кресло, закрыв лицо руками. – Это неправдоподобная, немыслимая ложь. Оставьте меня в покое. Уйдите, уйдите!

Эркеля трясло, он задыхался, судорожно вцепившись пальцами в каштановые волосы. Анарниэльль с беспокойством оглянулась на брата.

– Не волнуйся, – загоня в ножны меч, спокойно обронил Сарлис. – Это у него эмоциональная перегрузка. Сейчас пройдет.

Привлеченные криками, в комнату вбежали Ори и Вера. Видя, что ничего страшного не происходит, Ори убрал меч, а Вера громко спросила:

– Что случилось?

Сарлис обернулся к ней.

– Ничего. Мы просто пытались объяснить Эркелю, что гибель его сестры – дело рук Гилэстэла. Похоже, он нам не поверил.

Вера понимающе кивнула. Трудно в одночасье изменить сложившиеся взгляды и принять новую истину.

– На это нужно время. Но, думаю, мы, все же, сумеем убедить Эркеля за тот период, что он проведет с нами.

– О чем это ты? – поднял брови эльф, а Ори, Анарниэльль и Эркель настороженно уставились на неё.

Вера расположилась на краю стола, и, покачивая ногами, заговорила.

– Я надеюсь, все помнят, что целью нашего путешествия является поиск лорелантов? То, что мы встретили в замке Эркеля, большая удача. Если не для него, то, по крайней мере, для нас. Ты, маг, обмолвился, что камни находятся в Норхете. Думаю, ты не откажешься проводить нас туда? Заодно и поинтересуешься у магистра Гилэстэла, кого на самом деле тебе следует ненавидеть. Думаю, за давностью лет он не откажет тебе в этой просьбе. Если будешь вести себя примерно, могу гарантировать доброжелательное наше к тебе отношение. Проще говоря, мы берем тебя в заложники. Если Гилэстэл ценит тебя, как друга, он не станет препятствовать нам, ну, а если нет... Советую согласиться, в противном случае мне придется принять некоторые меры для нашей безопасности. Возможно, даже жесткие. Итак?

Четыре пары глаз устремились на мага. Он же, в свою очередь, не отрывал взгляда от сидевшей на столе девушки, рассматривая её со странным выражением то ли задумчиво, то ли оценивающе. Наконец он опустил глаза и глубоко вздохнул.

– У меня нет выбора.

– Ну, вот и славно. Отправимся прямо сейчас. Думаю, много времени это не займет. При помощи портала мы уложимся в несколько часов. Не так ли, Эркель?

– Так, – безропотно подтвердил маг. А потом поднял на Веру глаза, притушив в них хитрый огонек. – Но мне нужно мое кольцо, Вайра. Ты прекрасно понимаешь, что это не просто украшение.

– Да, я прекрасно это понимаю. Ты получишь его, но только для того, чтобы открыть переход. Потом я заберу его у тебя, ибо в дальнейшем перстень тебе вряд ли понадобится.

– Послушай, Вайра, – голос мага приобрел оттенок раздражения. – Неужели ты думаешь, что без него я не могу справиться с тобой? Сделай так, как я прошу – верни мне перстень, и я сделаю так, как просишь ты – отведу вас в Норхет.

– Я подумаю.

– Вайра! – Сарлис оглянулся в сторону настезь распахнутых дверей. Послышались торопливые шаги, и в дверном проеме показалась Мия. Вера усмехнулась и соскочила со стола.

– Господин! – служанка, окинув тревожным взглядом всю компанию, и убедившись, что Эркель не только цел, невредим, но еще и свободен, сделала несколько шагов ему навстречу. – Какое счастье, вы целы!

Конечно, цел. Что ему будет? – откликнулась Вера.

– Мия? – маг поднял брови, а потом оглянулся на Веру.

– Простите, лорд Эркель, – служанка потупилась, а затем метнула на Веру недобрый взгляд исподлобья. – Госпожа распорядилась накрыть стол к завтраку. На пять персон.

– Вот как? Ты, я вижу, даром времени не теряешь, шустра, – прошипел Эркель сквозь зубы, поедая глазами Веру. Та только пожала плечами, мол «Уж какая есть». А маг тем временем повернулся к Мие.

– С каких это пор в моем замке распоряжается кто-то, кроме меня? И почему ты не позвала охрану? А может, это ты помогла им проникнуть сюда, а?

Служанка побледнела, бесцветные глаза наполнились страхом, но взгляда она не отвела.

– Нет, господин. Простите, господин. Я думала... Я беспокоилась о вас.

– Оставь её, Эркель, – вступилась за старуху Вера. – Это я пригрозила ей, что если она меня слушается, то не увидит тебя.

– Если все, кому я доверяю, будут исполнять приказы моих врагов, мне некому будет доверять. Знаешь, почему, Мия? Потому что те, кому я не доверяю, не находятся подле меня больше, чем пять минут.

Эркель отвернулся от старухи, оставив её стоять с потерянным видом и опущенной седой головой. Он чувствовал, что начинает злиться, знал, что этого делать не следует, и приказал себе успокоиться.

– Ты всегда обращаешься подобным со своими слугами? – спросила Вера.

– Нет. Таким мягким я бываю только при гостях. В других случаях я сразу же избавляюсь от провинившихся.

– Каким образом?

– Испепеляю на месте, – огрызнулся Эркель, и Вера не восприняла это как шутку.

– С тебя станется, – процедила она. – Ладно, хватит разговоров. Пора отправляться. Я не стану вызывать Проводника, Эркель, нас поведешь ты. Вперед!

Вера мотнула головой в сторону дверей, приказывая идти. Но маг медлил, словно бы не решался сказать что-то.

– Ну? Что еще? – нетерпеливо уперла руку в бок Вера.

– Видишь ли, – замялся Эркель, – я бы не хотел предстать перед магистром в таком виде. Позволь мне переодеться.

Вера, удивленная просьбой, оглядела мага – помятая, надорванная рубашка, взлохмаченные волосы.

– На мой взгляд, ты и так неплохо смотришься. Тем более, учитывая, что ты наш пленник.

– Разве пленникам нельзя иметь приличный внешний вид? Я не хочу выказывать пренебрежение магистру. Всего одна маленькая просьба.

Вера вглядывалась в лицо Эркеля, пытаясь разгадать его маневр, понять, в чем тут хитрость. В том, что он что-то задумал, она была убеждена на все сто процентов. Он же покорно ждал, и вид имел самый смиренный. Вера глянула на друзей. Сарлис в ответ на её немой вопрос пожал плечами, пренебрежительно скривившись, Анарниэлль отвернулась, а Ори отрицательно качнул головой.

– Так и быть, но учти – прихорашиваться будешь в нашем присутствии, – сказала Вера, и тут же пожалела об этих словах.

– Госпожа Вайра, – маг склонил голову, и с издевкой произнес. – Если вам угодно лицезреть сей процесс, что, несомненно, свидетельствует о повышенном интересе к моей персоне, я готов. Возможно, в недалеком будущем вам захочется стать свидетельницей сцен и более интимного свойства. Мия, принеси мне чистую одежду. А я пока продемонстрирую себя нашим дамам, да и не дамам тоже.

Старуха, воспользовавшись всеобщим замешательством, быстро выскользнула из комнаты. Эркель, вытянув рубашку из брюк, медленно стянул её через голову и небрежно бросил на пол. Разведя руки в стороны, он демонстративно повернулся вокруг себя, с насмешливым вызовом глядя на застывшую в немой растерянности компанию.

– Ну, как? Госпожа довольна? Теперь следующий предмет.

Он поставил ногу на подлокотник кресла, и, томно взглянув на девушек, потянулся к голенищу сапога.

– Да прекрати же! – раздался срывающийся от возмущения голос Анарниэльль. – Эркель, это просто свинство! Вайра, ты, ты...

Её глаза сверкнули на Веру, и эльфийка, зардевшись, как мак, вылетела из кабинета в коридор. Вслед за ней выскочил Сарлис, очевидно, чтобы успокоить сестру. Эркель выпрямился и расхохотался.

– Да уж, зрелище не для слабонервных! Количество зрителей уменьшилось, остались самые стойкие.

Вера, не ожидавшая такой выходки от мага, стояла с пылающими от смущения щеками и ушами. Почувствовав прикосновение, она оглянулась. Ори, потянув её за рукав, поманил к двери. Собравшись с мыслями, она проговорила:

– Хватит паясничать. Сейчас служанка принесет тебе одежду. У тебя будет пятнадцать минут.

– Как? – Эркель в притворном огорчении поднял брови. – Вам не понравилось? Может, все-таки я попробую еще раз?

Эркель дернул вниз брюки, и тут Вера не выдержала, и пулей вылетела из кабинета. Вслед ей неслись раскаты хохота. Выскочив из комнаты, она прислонилась спиной к стене, перевела дух и, не сдержавшись, рассмеялась сама. Но её смех утих, едва она подняла взор и натолкнулась на горящий взгляд Анарниэльль, устремленный на неё. Ревность? Вера почувствовала себя неловко, вспомнив, что за узы связывали эльфийку и мага. К счастью, в этот момент появилась Мия с ворохом одежд. Она поспешно прошмыгнула мимо них в кабинет, попытавшись захлопнуть за собой дверь. Вера придержала дверные створки, за что получила от старухи уничтожающий, полный неприязни, взгляд. Проигнорировав его, Вера негромко произнесла:

– У тебя десять минут, маг.

– Этого достаточно, благодарю, – донесся насмешливый ответ мага.

Вера поморщилась, прикрыла створки и отошла в сторону под косым взглядом эльфки.

Едва закрылись двери, как с лица Эркеля исчезло выражение обреченности и насмешливого безразличия, он метнулся было к столику, но вид хрустальных осколков на полу заставили его скрипнуть зубами. Озираясь по сторонам, словно загнанный зверь, ищущий малейшую щелку, чтобы ускользнуть, он остановил свой взгляд на служанке. Она смотрела на него с тревогой в поблекших глазах, руки под стопкой одежды подрагивали. Она в сердцах бросила одежду на стол, и, заломив руки, всхлипнула:

– О, господин Эркель! Как же так? Неужели вы пойдете с ними? Неужели вы им подчинитесь?!

Маг вздрогнул, словно его облили холодной водой, и его глаза, еще мгновение назад горевшие лихорадочным блеском, потухли. Он подошел к столу и вытащил из кучи брошенных на него вещей чистую рубашку. Повертев её в руках, он нехотя стал натягивать её.

– Да, Мия. Боюсь, что именно так. Но мы еще посмотрим, кто кого.

Он стащил сапоги, и Мия деликатно отвернулась, пока Эркель переодевался.

– Если бы я могла пойти вместо вас, господин!

Эркель споткнулся, нога застряла в голенище длинного сапога, тихие, наполненные глубоким чувством слова старухи гонгом прозвенели в его ушах. Одновременно в голове всплыла фраза, произнесенная недавно принцессой. «Вместо Эариндель со мной разговаривал Астид».

– Что ты сказала, Мия? – Эркель внимательно посмотрел на служанку.

Она обернулась, глаза у неё были влажными, и смотрели на него с таким выражением.... Абсолютная преданность, готовность к самопожертвованию и страх за него, только за него, а не за себя.

– Я сказала, что была бы рада пойти с ними вместо вас, отдать жизнь за вас, лорд Эркель.

Голос служанки был тверд, а прямой взгляд не вызывал сомнений в том, что это не просто слова. И маг решился.

– Ты действительно могла бы это сделать?

– Да, господин!

– Ты можешь погибнуть, Мия.

– Меня это не страшит. Я уже стара, мой конец близок, а принять смерть, защищая вас – это верх моих желаний. Это было бы высшей наградой за все годы моей службы. Вы ведь знаете, как я любила, и люблю вас. Если бы только это было возможно, лорд Эркель, я бы ни минуты не колебалась!

– Моя старая, милая молчунья Мия! Наверное, ты единственная на этом свете, от кого я мог бы услышать подобное! Хорошо, пусть будет так. У нас мало времени, слушай меня внимательно.

И Эркель, поспешно натягивая остальную одежду, заговорил быстрым шепотом:

– Я придам тебе свой облик, а себе – твой. Это потребует достаточных усилий, так как мне придется удерживать сразу два морока. Поэтому в основном успешное осуществление этого плана ляжет на твои плечи. Ты отведешь их к порталу в большом зале и заберешь кольцо под видом того, что необходимо настроить переход. Мия, постарайся, чтобы перстень не попал снова к ним в руки. Не волнуйся, портал открою я сам, они вернуться туда, откуда пришли. А вместе с ними и ты. Когда окажетесь на месте, сделай так, чтобы никто из них не остался в живых.

– Никто? – старуха испытующе взглянула на мага.

– Никто, – с нажимом произнес Эркель. – И самое главное – не позволяй им прикоснуться к тебе, иначе чары рассеются. Портал будет открыт, ты сможешь вернуться, как только все будет кончено. Так что, ты по-прежнему хочешь помочь мне?

– Да, лорд Эркель. Только вот...

– Что? – маг с нарождающимся разочарованием взглянул на служанку, ожидая услышать от неё слова сомнения.

– Не надо ждать моего возвращения, господин. Вряд ли оно состоится. Едва мы покинем замок, уничтожьте переход. Пожалуйста, не возражайте, лорд Эркель, так нужно и так будет правильно. Прощайте, мой лорд.

– Мия!

Маг, взяв морщинистые руки старухи в свои ладони, опустил голову, словно стыдясь принятого им решения, а затем заглянул в её, когда-то темно-синие, а теперь блеклые, подернутые тусклой пеленой старости, глаза. Голос, когда он заговорил, зазвучал с незнакомой искренностью и чувством.

– Мия. До этого самого мига я и не представлял себе в полной мере, что ты значишь для меня, чем ты будешь для меня, всегда. Спасибо тебе за все. Прощай, моя молчунья.

Раздался стук в дверь, и голос Веры за нею произнес:

– Время вышло, Эркель. Мы ждем.

Эркель оглянулся на дверь, потом взглянул на Мию, и, чуть сильнее сжав её руки, прошептал тайные слова. Воздух вокруг их фигур дрогнул, с пола, спиралью вокруг них, взметнулось небольшое облачко пыли, и тут же улеглось. На первый взгляд казалось, что ничего не произошло, словно бы маг и служанка просто поменялись местами. Прошла секунда, в течение которой они удивленно смотрели друг на друга. Вдруг дверь приоткрылась и в комнату с нетерпеливым выражением лица заглянула Вера.

– Прощаетесь? – хмыкнула она. – Ну, ну. Эркель, мы ждем. Оторвись от своей служанки, нам пора.

Фигура в сером балахоне выпрямилась, и сдавленным от волнения голосом произнесла:

– Я уже готов. Но Мия пойдет со мной.

– Почетный эскорт? Ладно, что нам старуха, идем.

Вера махнула рукой и повернулась. Служанка бросила на мужчину в сером взволнованный, предупреждающий взгляд, он ответил ей ободряющей улыбкой, и первым покинул кабинет. На полу остались лежать скомканные, разбросанные в беспорядке вещи.

Они быстро шли по замку, вслед за магом, который, минуя размашистой скорой поступью многочисленные залы, вел их к порталу. Старуха семенила сзади, поминутно вздыхая, но стараясь не отставать. Вера, удивленно переглянувшись с Ори, окликнула стремительного проводника:

– Лорд Эркель, что с вами? Куда вы так торопитесь? Еще несколько минут назад мне казалось, что вас придется тащить на аркане.

– У меня появились причины торопиться, – не оборачиваясь, неприветливо ответил Эркель.

Вера хмыкнула, но оставила без комментариев его слова. Однако тон, которым маг их произнес, заставил её призадуматься. Исчез легкий сарказм, насмешка, которая пронизывала речь Эркеля во время их предыдущей беседы. Теперь слова звучали просто, неприязненно и грубо.

Они достигли зала с колоннами вдвое быстрее, чем дошли оттуда до покоев на верхних этажах. Утреннее солнце яркими лучами освещало сквозь цветные витражи большой зал, придавая ему праздничный и приветливый вид. Эркель, а за ним и все остальные, быстро сбежали по широкой лестнице. Преодолев широким шагом расстояние до заветных дверей, маг остановился и порывисто обернулся к спутникам. Его синие глаза, проигнорировав эльфов и Ори, уперлись в Вере в лицо. И столько в них было ненависти, что, обрети она материальное воплощение, он прожег бы в девушке дыру. «Тебе не совладать со мной» – говорили его глаза. Но Вера выдержала взгляд, вызывающе подняв подбородок – «это мы еще посмотрим». Эркель, взмахнув полой серой накидки, выбросил в её сторону ладонь.

– Кольцо.

Эльфы и Ори придвинулись ближе к Вере, и, словно по команде, взяли за оружие.

– Спокойно, – оглянулась на них Вера. – Я помню уговор. Держи. Но знай, у меня хватит силы справиться с тобой.

На ладонь мага с её пальцев соскользнул перстень с рубином. Старая служанка за их спинами едва заметно кивнула ему головой, и, тихо отступив на два шага, прикрыла глаза. Эркель повернулся к двери, надел перстень на палец, и зашевелил губами. Вера удивленно вскинула брови, когда вместо того, чтобы просто открыться, двери вдруг растворились в воздухе, а на их месте появился клубящийся серыми клочьями тумана проход.

– Готово.

Эркель повернулся и смерил всех язвительным взглядом прищуренных глаз.

– Ну, кто первый?

– Ты. Но сначала верни мне перстень.

Вера требовательным жестом вытянула руку. Маг стянул кольцо, но отдавать его медлил.

– Вы беспокоитесь по поводу его сохранности, я тоже. Думаю, будет правильно, если перстень не достанется ни вам, ни мне. Пусть его хранит Мия. Лови.

Он неуловимым движением пальцев метнул перстень в сторону старухи, которая, мгновенно сориентировавшись, с удивительной ловкостью поймала летящий в её сторону предмет. Едва перстень коснулся её рук, маг повернулся и шагнул в зыбкую серую пелену портала. Вера дернулась было, чтобы перехватить перстень, но беспокойство по поводу того, что Эркель скроется, заставило её броситься вслед за ним. Эльфы и Ори, не медля ни секунды, последовали за ней. Как только последний из пришельцев скрылся за серой стеной, служанка разжала кулак, в котором утренней звездой блеснул перстень. Мгновение, и вместо согбенной седой старухи перед дверьми портала под удивленными взглядами картин и изваяний появился Эркель. Он медленно надвинул перстень на положенное ему место на пальце, с сомнением и нерешительностью глядя туда, где исчезли его незваные гости и верная служанка. Потом зажмурился, мотнул головой и щелкнул пальцами. В его руке появился узкая полоска бумаги, с начертанными на ней письменами. Плавное движение длинных пальцев Эркеля, и полоска белым мотыльком поплыла к portalу. Она коснулась серой поверхности, и тут же подрагивающие ключья тумана в квадратном проеме вновь оформились в плотно закрытые дверные створки, а бумага приклеилась к замку. Эркель поднял руку, сжал пальцы в кулак, и дрогнувшим голосом почти выкрикнул:

– Огонь! Твоей силой я закрываю этот путь!

Рубин налился кровавым светом, полыхнул пламенем, яркий огненный луч исторгся из него и коснулся белого листка. Бумага вспыхнула, буквы, корчась и плача чернилами, с легким шипением таяли в алом пламени. Маг повернулся, и медленной походкой уставшего и вымотанного до крайности человека поплелся мимо гобеленов, картин, статуй и мозаик к широкой лестнице. У её широкого основания он остановился и оглянулся. Бумага догорала удивительно медленно, осыпаясь на пол пеплом. Синие глаза широко раскрылись, губы прошептали: «Что же я наделал!». Закрыв ладонями лицо, Эркель бегом бросился вверх по лестнице.

Меньше чем через час Эркель уже стоял на палубе своего корабля. Матросы суетились на палубе, поднимая паруса, а он смотрел на освещенный радостным летним солнцем Олломар. Но на сердце у него было отнюдь не радостно. В противоположность царившему вокруг него веселью, маг был угрюм и мрачен. Он знал, что сейчас где-то там, за тысячи миль от его замка, посередине небольшого селения в степи полыхает его дом. Эркель взглянул на весело перекликающихся матросов, которые в предвкушении двухдневного плавания по спокойному морю сновали по палубе, и в сердце мага закралась острая зависть. Они были веселы, они были свободны и уверены в том, что все, что они делают – правильно. Полуэльф отвернулся, и, бросив последний взгляд на удаляющийся берег, спустился в каюту. Он отплывал в Норхет. Через два дня он встретится с магистром. Вайра ошиблась, думая, что туда можно попасть посредством портала. Нигде в мире не было перехода, напрямую связанного с Норхетом. Туда добирались обычным способом – на кораблях. Даже маги. Гилэстэл был очень осторожен и предусмотрителен.

Глава 4

– Непостижимо! Невероятно!!! Эркель, ты осел! Упустить её и камень во второй раз – это уже слишком. Как, объясни мне, как?! Как такое возможно?!

– Магистр...

– Молчи! Лучшее, что ты можешь сейчас – это молчать. Молчать и каяться, валяясь у меня в ногах!

– Да...

– Нет! Такого не должно было случиться. Что с тобой происходит, Эркель? Ты заставляешь меня начать сомневаться в тебе. У тебя есть оправдание твоему проступку?

– Она... Она владеет магией, магистр. Она чародейка. Мне пришлось применять силу, чтобы справиться с ней.

– И что, твои познания в боевой магии оказались недостаточны, чтобы совладать с ней? Ты, совершенствующий своё искусство в течение стольких столетий, оказался слабее какой-то девчонки-самоучки?!

– Я одержал над ней верх, но дело не в этом. Гилэстэл, она была не одна.

– Я знаю! Она и в прошлый раз была не одна. Это не оправдание, если ты не смог избавиться от пары сопровождающих её человек! Или огонов, или кого там еще!

– Это были не люди и не огоны, магистр. Точнее, не только они.

– Да-а? А кто? Духи? Демоны? Забытые боги?

– Эльфы, – прошептал Эркель.

Гилэстэл споткнулся на ровном месте и поперхнулся словами. Бледность, сменившая гневный румянец на его лице, могла бы соперничать с белизной первого снега. Несколько минут, не в силах произнести ни звука, он смотрел на Эрделя внезапно побелевшими зрачками.

– Что ты сказал? – почти неслышно выдохнул он.

– С ней были эльфы. Сарлис и Анарниэлль, дети Мэнелгила.

– Не может быть, – Гилэстэлу пришлось ухватиться рукой за стеллаж с книгами. – Ты бредишь. Их нет. Они мертвы.

– Они живы, Гил, – Эркель обратился к магистру неполным именем, нарушив установленные давным-давно правила, но тот, похоже, этого не заметил. – Это и есть та причина, по которой я не смог удержать Вайру. Прости, но я просто... просто растерялся. И испугался.

Магистр, все еще не смея поверить услышанному, опустил в кресло, махнув рукой Эрделю, приглашая и его сесть.

– Шестьсот лет. Уму непостижимо. Я считал, что мы их всех... Что их больше нет. Но как? Откуда? Погоди... Сарлис?! Ты сказал, Сарлис?

– И Анарниэлль.

– Чего они хотят? – брови магистра сошлись на переносице, глаза потемнели и холодно блеснули. – Мести?

– Нет. Им были нужны камни.

– Что-о?! – Гилэстэл приподнялся в кресле, опираясь руками на подлокотники, и с недоверием глядя на собеседника.

– Им были нужны все камни, все шесть лорелантов. Они надеялись найти их в моем замке.

– Почему «были нужны»?

– Потому что, скорее всего, их уже нет в живых.

– Твоя работа?

– Да.

– Глупец.

– Прости, Гил.

– Не называй меня Гил.

– Простите, магистр Энвингол.

Они помолчали, потом Гилэстэл покачал головой.

– Что-то не вериться мне, что они так просто позволили себя убить. Кому бы то ни было.

Ты видел их тела?

– Нет. Я переправил их в Каргхотай, и закрыл переход.

– Тем больше вероятность того, что они живы.

– Вряд ли.

– Не спорь со мной! Если они благополучно покинули селение в первый раз, почему бы им ни проделать то же самое снова? Из разговора с тобой я понял одно – ты стал слишком самоуверен. Или просто ленив. И не озаботился тем, чтобы подготовиться, как следует, к встрече с этой девчонкой. Теперь я займусь ею лично, возьму, так сказать, под свою опеку. Вся эта компания, по крайней мере, трое из них – слишком ценная добыча, чтобы доверить их поимку кому-то другому. А тебе, как мне кажется, необходим отдых, Эркель. По всей видимости, ты еще не оправился после болезни.

– Я правильно понял, магистр? Вы отстраняете меня от участия в поисках? – едва сдерживаясь от негодования и поигрывая желваками, Эркель опустил глаза.

– Совершенно верно.

– Но смогу я хотя бы знать, как обстоят дела?

– Если я сочту нужным, тебя известят о событиях. А чтобы тебе было, с кем их обсудить, я отправляю с тобой в Олломар, куда ты возвращаешься после Совета, Иннегарда.

– Мне не нужен компаньон, – первый раз за все время их беседы Эркель позволил себе возмущенный тон, прекрасно поняв, зачем магистр навязывает ему шумливого, бесшабашного, охочего до женщин Иннегарда. Горящий взгляд в упор не произвел на магистра никакого впечатления.

– Я не спрашиваю, нужен он тебе или нет. Он поедет вместе с тобой.

– Ты до такой степени перестал мне доверять, Гилэстэл?

– Нет, Эркель. Я просто беспокоюсь о тебе.

Это было сказано таким тоном, что не оставляло сомнений относительно истинного отношения Гилэстэла к нему в этот момент. Эркель понял, спорить бесполезно – себе дороже. Поднявшись, он сдержанно поклонился и покинул Гилэстэла. Тот, не ответив и продолжая неподвижно сидеть в кресле, смотрел на дверь, за которой скрылся маг. Потом протянул руку и дернул за шелковый шнур на стене. Через несколько минут створки дверей приоткрылись, и на пороге появился мальчик лет одиннадцати с серьезным взглядом, одетый в серую курточку прислуги.

– Найди Астида. Пусть немедленно придет сюда.

Мальчишка кивнул и исчез, а магистр подошел к окну, заложив руки за спину. Все складывалось гораздо сложнее, чем он представлял себе поначалу. Сначала эта девчонка с лорелантом, никак не желающим перекочевывать к нему в руки, теперь еще эльфы, воскресшие непостижимым образом. И вдобавок ко всему этому – Эркель. Магистр не мог объяснить, но чувствовал, что он что-то не договаривает, чувствовал исходящее от него сомнение, и потому сам начал сомневаться в своем ученике и друге. Кто знает, сколько времени он провел в обществе эльфов? Тем более, Сарлис и Анарниэльль... Уж у них-то найдется, что порассказать. Особенно у принцессы. Гилэстэл скрипнул зубами.

Он уловил легкое движение у себя за спиной, отраженное в стеклах оконной рамы, но не повернулся.

– Магистр...

– Проходи, Астид.

– Что-то случилось? Я сейчас встретил Эркеля, он сам не свой.

– Да, Астид, случилось. Во-первых, он снова упустил нимхийку и камень.

Черноволокый полуэльф деликатно промолчал, хотя тонкие губы выгнулись презрительной дугой.

– А во-вторых, воскресли эльфы. Не далее чем три дня назад гостями Олломара стали Сарлис и Анарниэльль.

– Что-о-о?! – изумление Астида было еще более глубоким, чем магистра. – Но это невозможно!

– И тем не менее.

– Магистр, этого не может быть! Столько времени прошло. Эркель просто хотел как-то оправдаться, возможно, он... – он осекся, не договорив фразу, но магистр его понял.

– Солгал? – магистр повернулся к Астиду. – Нет, Астид, такими вещами не шутят. В этом я склонен верить Эркелю.

– Вы так говорите, словно все остальное вызывает у вас сомнение.

– Именно так. Наш друг что-то скрывает. Но что...

– Вы хотите, чтобы я это узнал? – Астид настороженно посмотрел на магистра.

– Нет, нет. Этим займется Иннегард. А тебя я хочу видеть возле себя – мне нужен рядом надежный и верный человек.

– Вы всегда можете на меня рассчитывать, магистр, – маг кивнул головой.

– Я знаю, Астид. Недаром ты был первым, кто последовал за мной.

– И я буду последним, кто покинет вас, магистр. Я умру у ваших ног.

– Будем надеяться, этого не произойдет в ближайшие несколько тысяч лет, – усмехнулся Гилэстэл, но тут же подавил улыбку. – А теперь серьезно – сколько времени понадобится, чтобы собрать Совет?

– Думаю, не меньше пяти дней. Эркель здесь, остальных нужно известить.

– Займись этим. Найди Улле, Иннегарда, Лейнолла и Ригестайна. Пусть немедленно бросают все, чем бы ни были заняты, и прибудут сюда.

– Хорошо, магистр. Я тотчас же этим займусь. Будут какие-нибудь особые распоряжения насчет Эркеля?

– Пока нет. Хотя, предупреди береговую охрану, чтобы не выпускала его с острова до моего специального разрешения. В пределах Норхета он совершенно свободен.

– Хорошо, – Астид, казалось, был удивлен этими словами.

– Иди.

Полуэльф поклонился и вышел из покоев магистра.

Совет собрался вечером пятого дня, как только прибыл Ригестайн. Его земли находились на наибольшем удалении от острова – на юге. И, хотя его парусник был быстрее, чем корабли остальных магов, все же он вошел в Серую гавань последним. Все остальные были уже на месте.

Гилэстэл весь день перед Советом провел в своем кабинете, из окон которого прекрасно был видна центральная аллея, от ворот замка до парадных дверей. Он видел, как один за другим, торопясь на его зов, по ней проезжали маги. Наконец, в дверь осторожно постучали.

– Входи.

Астид, одетый в серый балахон, шагнул в комнату. Почтительно склонив голову, произнес:

– Только что прибыл Ригестайн. Теперь все в сборе, магистр.

– Прекрасно. Где они?

– Как положено, ждут вас в зале Совета.

– Хорошо. Я сейчас буду.

Астид кивнул, и исчез за дверью. Гилэстэл поднялся, протянул было руку к своей серой мантии, но передумал. И отправился на Совет в простом, без затей и украшений, кафтане.

Зал – сказано громко. Просто большая комната, без претензий на роскошь, но зато с прекрасной акустикой и освещением. Убранство её состояло из кресел, количеством по числу членов Совета, и подставки с хрустальным шариком, занимавшей центральную часть комнаты. Гил-эстэл вошел и окинул взглядом собравшихся.

Вот Астид – единственный из всех встречает его стоя. Его серые, как предгрозовое небо, глаза – глаза фанатика, готового по первому его слову броситься хоть грудью на острие меча. Но с еще большим удовольствием он бросит на него кого-нибудь другого. Он умен, прозорлив, хладнокровен. Магистр не раз удивлялся присущей черноволосому магу способности затаиваться, ждать сколько угодно для того лишь, чтобы потом нанести последний, смертельный удар. Астид почти неотлучно находится в Норхете, подле магистра. Он носит в своем перстне черный циркон, не выносит насмешек и пренебрежения к себе.

А это Ригестайн. Как всегда, занятой, озабоченный делами на южных рубежах страны. Старательный, добросовестный, но мнительный, иногда склонный к преувеличениям и необоснованным опасениям. Хотя, его можно понять. Постоянные пограничные конфликты с южанами, норовящими прорваться на территорию Унии, стали его буднями. Он черноволос, как и Астид, но черты лица его гораздо мягче, а большие синие глаза смотрят устало и чуть грустно. Очень трепетно относится к обязательствам, своим и чужим. Он стесняется, когда кто-либо видит его улыбку, и тут же её прячет. Потому что боится показаться несерьезным. Ригестайн носит кольцо с изумрудом.

А вот и Эркель. Вжался в кресло, опустил голову на подставленные ладони, и вид имеет самый что ни на есть жалкий. Как бы снова не ударился в хандру. Умен, талантлив, доверчив и романтичен. Самый сильный маг после Гилэстэла и Астида. Отвечает за восточные рубежи Унии. Его страх – одиночество. Оно у него в душе, и не зависит от количества людей вокруг него. Увы, сегодня не его день. Камень в перстне Эркеля – рубин.

Иннегард. Красив, избалован, самолюбив, вспыльчив, но отходчив. Бесшабашный весельчак, любитель и любимец противоположного пола, к которому расточительно щедр. Может заниматься несколькими делами одновременно, но до конца хоть одно доведет вряд ли. Ему лучше поручать что-нибудь одно, и непременно – «чрезвычайной важности». Вотчиной Иннегарда являются соляные шахты у Южного моря, негласно Уросс и земли, к нему прилегающие. Трепетно относится к своей внешности и обожает красивую одежду. Вот и сейчас – из-под широких рукавов серой мантии видны желтые кружевные манжеты, а на небрежно откинутый капюшон и выглядывающий из-под него воротник модной куртки ниспадают тщательно расчесанные волнистые волосы пшеничного цвета. Его страх, учитывая, что он полуэльф, непонятен совершенно – он страшится старости, терпеть не может возле себя стариков, уродливых или просто некрасивых людей. Они вызывают в нем неистовое бешенство, вплоть до убийства. Иннегард носит перстень с голубым аквамарином.

А это Лейнолл. Серьезен, спокоен, немногословен, предпочитает дела словам. Он сам выбрал себе границу ответственности – горы, что тянутся на севере. Поднаторел в кузнечном деле, набравшись опыта у огонов, что обитают там. Темно-русые волосы его всегда коротко подстрижены. В противовес остальным, он носит усы и аккуратную бородку – дань человеческим генам. Предпочитает удобную, практичную одежду, и считает, что мода существует лишь для того, чтобы выкачивать у простачков вроде Иннегарда деньги. Он боится воды, предпочитая обитать вдали от моря. Каждый раз, всходя на палубу корабля, пересиливает свой страх, и всю дорогу просиживает в каюте. В его перстне – коричневый топаз.

Улле. Некогда – обитатель Золотых лесов, прекрасно владеющий всеми видами оружия. Светловолосый, сероглазый, невысокий и гибкий, словно ивовая ветвь – как все из его народа. На губах постоянная полуулыбка, но горе тому, кто посмеет недооценить его – на первый взгляд такого безобидного и приветливого. У ивовой веточки – стальной характер и железные мышцы. У Улле есть недостаток – ему нравится убивать. Достаточно поглубже заглянуть в его

глаза, чтобы в этом убедиться – они холодны и безжалостны. Его постоянно приходится сдерживать. И, тем не менее, а, скорее всего, благодаря именно его жесткости и бескомпромиссности, в его землях царит порядок. А ведь в его ведении – самая большая, центральная часть страны. Несмотря на умение обращаться с луком и арбалетом, никогда не ездит на охоту, его страх необычен для бывшего лесного жителя – он боится леса. Улле носит кольцо с желто-зеленым гранатом.

– Магистр.

Маги поднялись со своих мест, приветствуя Гилэстэла, с удивлением отмечая отсутствие на нем мантии. Он прошел к своему креслу и жестом пригласил сесть остальных.

– Начнем Совет. Дело, по которому я вас собрал, чрезвычайной важности. Но, прежде чем я посвящу вас в его суть, я выслушаю каждого из вас. Меня интересует, как обстоят дела в ваших вотчинах. Начнем с Улле.

– Магистр, – маг поклонился. – Я не буду тянуть и лукавить, утверждая, что в моих землях тишь да благодать. Мы испытываем трудности с оружием, магистр. На сегодняшний день дела обстоят таким образом, что в оружейных лавках моих городов практически невозможно купить качественное снаряжение. До недавнего времени основным источником этого товара были лавки огонов. Но они почти все закрыты, купцы везут свой товар на юг, в Уросс и ближайšie к нему поселения. Не спорю, в наших замках и городах есть оружейные дворы и знающие свое дело мастера, но у них нет руды. Мои земли не богаты железом и медью, как северные предгорья. Подгорный же народ всегда предпочитал торговать не сырьем, а готовыми изделиями – это приносит им больше прибыли. Слава создателю, люди в моих городах живут в достатке, и готовы выложить изрядную сумму за хороший меч или кольчугу. Но все же, не настолько богато, чтобы разбрасываться деньгами при нынешних баснословных ценах на даже самое заурядное оружие. Да его, по сути, и нет. Городская стража в подавляющем своем большинстве вооружена арбалетами и луками, но ведь для стрел нужны наконечники!

– Чего ты опасешься? Войны? С кем? – магистр скептически приподнял бровь.

– Разве эта мысль так неправдоподобна?

– Не настолько, как ты полагаешь.

– Я в этом не уверен, магистр, – подал голос Ригестайн, внимательно выслушавший Улле.

– Что ты имеешь в виду?

– На моих оружейных складах дела обстоят не лучше. Мы делаем, что можем – плавим вышедшее из строя оружие, собираем по местам старых стычек лом, перековываем его на что-то более пригодное. А южные рубежи трещат по швам. На предыдущем Совете я информировал вас, что в последнее время слишком частыми и дерзкими стали нападения на наши пограничные посты. Южане сражаются оружием, сделанным в северных горах, а мои воины – железными, кованными в деревенских кузницах. Улле верно подметил – все оружие идет на продажу в Уросс и его окрестности, а оттуда – в земли варваров. Огонам все равно, кому его продавать, лишь бы платили дороже. А мои воины гибнут от стрел, отлитых в огоньих горнах. Норты, килиты и прочие племена юга стали чересчур активны, объединившись в союз. Это вызывает у меня определенные опасения.

– Перестань, Ригестайн. Они чересчур активны на протяжении последних двух сотен лет. Что касается их союзов, они так же недолговечны, как первый снег. Эти варвары передерутся между собой раньше, чем смогут добраться до наших рубежей.

– А если нет? Если на этот раз их союз окажется прочнее наших границ?

– Что ты предлагаешь?

– Взять торговлю военным снаряжением под контроль, разрешить продавать его только там, где мы сами укажем. Уж во всяком случае, не в Уроссе.

– Ну, Ригестайн, ты и загнул, – покачал головой Иннегард. – Уросс вне нашей компетенции, это свободный город. В том числе и в отношении торговли. Ни в одном другом городе не торгуют людьми.

– Свободным он стал благодаря нам, Иннегард. Или ты забыл? Может, тебе напомнить условия договора между городскими властями и нами? А если условия не соблюдаются, то договор теряет силу.

– Спасибо, я их помню. Ни одно из условий не нарушается. По крайней мере, в открытую. Город не оказывает явной помощи противникам Унии. Если оружие каким-то образом оказывается в руках наших врагов, то нужно еще доказать, что с этим связаны городские власти. Его закупают у огонов купцы дружественных нам государств, а куда оно перекочевывает потом из трюмов их кораблей, это не дело Уросских градоначальников. Платят-то покупатели по-королевски.

– Что скажешь, Лейнолл? – Гилэстэл обернулся к молчавшему магу. – Это ведь и тебя касается. На подгорный народ можно как-то повлиять?

– Давить на них бесполезно, они не из тех, кому можно просто приказать или пригрозить, – Лейнолл поднял глаза. – Огоны жадны, расчетливы, никогда не упустят своей выгоды. Значит, нужно сделать так, чтобы им было выгоднее торговать с нами, а не тащиться обозами далеко на юг, рискуя попасться в лапы грабителей.

– Ну-ка, ну-ка, – подался вперед Иннегард. – Расскажи-ка нам.

Лейнолл смерил Иннегарда спокойным взглядом, не поддавшись на его насмешливый тон.

– Надо договориться с ними о закупках больших партий оружия, заинтересовав ценой. Пусть работают по заранее оговоренному заказу. Огонам это выгодно – на все, что они призведут, заранее будет покупатель, который, к тому же, придет к ним сам. А торговать в городах можно и нам.

– А что, это идея, – встрепенулся Ригестайн.

– Остался только один маленький вопрос – деньги. Или ты, Лейнолл, думаешь, что казна государства бездонна? – Иннегард прищурился. – Я понимаю, в твоих горах стукни пару раз кайлом – и гребь себе камушки, руду и прочие блага. Но ведь это все оседает не в казне, а в карманах у твоих подопечных.

– Они исправно платят все положенные им пошлины и налоги. А вот в отношении прочих я бы посомневался.

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Иннегард.

– Я слышал, – впервые позволил себе легкую полуулыбку Лейнолл, – сборы с морского промысла падают, пираты предпочитают набивать золотом свои кошельки, а не сундуки мытарей. Да и соляные копи перестали давать тот доход, который приносили еще несколько десятков лет назад. Этот потенциал используется не должным образом, Иннегард.

– В чем ты меня упрекаешь? – светловолосый красавец откинулся на спинку кресла с оскорбленным видом.

– Я не упрекаю, я рекомендую обратить внимание на эти факты. Именно здесь можно изыскать дополнительные средства. Конечно, если не тратить их на кружева и ленты. От них ведь ума не прибавится, Иннегард, – тут уже Лейнолл усмехнулся в открытую, презрительно глянув на желтые манжеты под серой мантией.

– Да как... Да что ты себе позволяешь! – лицо Иннегарда покрылось белыми пятнами, делаясь некрасивым и злым. Он вскочил с кресла, буравя Лейнолла глазами и нервно дергая мантию, пытаясь нашарить под её широкими складками оружие на поясе.

– Сядь, Иннегард, – повелительный голос магистра заставил желтоволосого мага утихомирить свою злость и снова опуститься в кресло. – Выясните свои отношения после. У кого-то еще есть идеи по этому поводу? Нет? Тогда так – Лейнолл, я хочу знать, насколько возможно

то, что ты предложил насчет больших заказов. Ригестайн, объясни ему, сколько и чего тебе нужно. Улле, к тебе это тоже относится. Кроме этого, нам нужны дополнительные собственные рудники в Северных горах, зависимость от подгорного народа слишком дорого нам обходится, подумайте об этом. Иннегард, давно пора поднять пошлину за морской промысел, повысить цены на соль и увеличить её добычу. Не делай круглых глаз, это не совет, а приказ. Если тебе не хватает рабочих, то, я думаю, Ригестайн поможет. Сколько у тебя пленных, Ригестайн?

– Сейчас около полутора сотен, магистр. Но южане постоянно ведут переговоры, и мы их обмениваем на своих солдат или на золото. Нам дорого обходится их содержание.

– Вот и договоритесь с Иннегардом. И пожалуйста, Ригестайн, не донимай меня больше вопросами о южных границах. Вопрос исчерпан. Теперь о том, ради чего, собственно, я вас здесь и собрал.

При этих словах Эркель, доселе плохо прислушивающийся к разговору, вздрогнул и поднял голову с ладоней, глядя широко раскрытыми глазами на Гилэстэла. Магистр заметил нервное движение и, покосившись на Эркеля и досадливо вздохнув, продолжил:

– Три дня назад Эркель во второй раз упустил лорелант. Нимхийка-полукровка по имени Вайра, случайно оказавшаяся в его замке, снова успешно сбежала от нашего рассеянного друга. Вместе с камнем, разумеется.

Теперь уже не одна, а шесть пар глаз устремились на Эркеля, опустившего глаза долу. Астид смотрел на него с явным презрением, Иннегард, Лейнолл и Улле – с недоумением, а Ригестайн – сочувственно. Глаза Гилэстэла были холодны и недобры.

– К ней присоединились еще двое спутников, теперь их пятеро. Сама Вайра, трое мужчин, один из которых огонь, и женщина. Эркель утверждает, что они погибли в селении Каргхотай, но достоверность этих фактов ничем не подтверждена. Конечно, мы отправим в селение, где это произошло, людей, чтобы убедиться в правоте Эркеля и попытаться найти там лорелант. Но это всего лишь предосторожность – весьма велика вероятность, что мы ничего там не найдем, что все они благополучно избегли смерти. А посему надо приложить все усилия, чтобы отыскать следы этой пятерки. Если они живы, то обязательно дадут о себе знать, есть существенные детали, которые, возможно, помогут нам их найти. Первое. Вайра, судя по словам Эркеля, – тут Гилэстэл окинул мага холодным взглядом, – недурно владеет магией.

Слова магистра вызвали легкое шевеление и шепот в зале Совета. Маги удивленно и скептически переглянулись, пожимая плечами и качая головами.

– Второе. Огонь в компании людей – явление достаточно необычное, обращайтесь на это внимание. Другой мужчина – довгар, средних лет, светловолос, высок. Третье. Двое вновь присоединившихся к ней спутников – мужчина и женщина, по словам Эркеля, довольно красивы – черноволосы, белокожи, выше среднего роста.

Эркель оторвал глаза от пола, и удивленно посмотрел на говорившего. Он не ожидал, что магистр скроет от остальных имена и истинное происхождение спутников Вайры. Иннегард хмыкнул, насмешливо глянув на Эркеля.

– Ты даже это успел рассмотреть? Видно, немало они у тебя погостили, а, Эркель?

Гилэстэл свел брови, и магу пришлось умолкнуть под строгим взглядом.

– Эркель сообщил, что их целью являются лореланты. Им нужны камни, те, что хранятся здесь.

Послышались возгласы изумления, Иннегард и Улле вскочили со своих мест.

– Камни?! Но зачем?

– Этого они не сказали. Но, если такая цель у них есть, то естественно, что их путь лежит в Норхет. Вопрос только в том, какими дорогами они пойдут к цели. Их множество, но наиболее вероятных три – напрямую через Унию, через Уросс, и вдоль гор. Улле, Иннегард, Лейнолл – от вас я ожидаю многого, но и от остальных не меньше. Задача – найти их, проследить

путь, но никого пока не трогать. Особенно девчонку. Я хочу видеть её живой. Надеюсь, все меня правильно поняли?

Гилэстэл внимательно оглядел присутствующих, выразивших согласие едва заметными кивками.

– И последнее. Эркель, от тебя я не требую ничего. Всё, что ты мог, ты уже сделал, – магистр кисло улыбнулся. – Как и было сказано раньше, ты отправляешься в Олломар. Ты не имеешь права покидать замок до моего особого распоряжения, куда бы ты ни направлялся. Даже сюда. Но скучать ты не будешь, с тобой едет Иннегард.

– Я? – маг подскочил в кресле. – Я... я не могу... магистр, вы же сами сказали... Уросс, пошлина, копи. Да, в конце концов, что я ему, нянька?!

– Тише, Иннегард, тише, – Гилэстэлу было довольно одного ледяного взгляда, чтобы утихомирить мага, опешившего от такого неожиданного поворота. – Наш друг устал, ему нужно развеяться, отдохнуть. Поживешь там месяц-другой, составишь Эркелю компанию. Кто у тебя управляющий на соляных копиях?

– Фортезэ, – промямлил Иннегард, убитый перспективой провести ближайшие несколько недель в созерцании хмурого лица Эркеля в его полупустом замке.

– Ну, вот и поручи ему заняться делами. И пусть докладывает тебе обо всем, что происходит в Уроссе и его окрестностях. Ты меня хорошо понял?

– Да, – едва разомкнув губы, недовольно процедил Иннегард.

– Вот и прекрасно. Отправитесь завтра утром. Все свободны.

Через несколько минут зал опустел, в нем остались только Гилэстэл и Эркель, по-прежнему сидевший в кресле. Магистр поднялся и подошел к окну. Он постоял несколько минут, оглядывая сад, разросшийся под окнами, и, не поворачиваясь, вымолвил:

– Иди, Эркель.

– Магистр, – нерешительно поднял голову маг.

– Что?

– Почему вы не сказали им о... о них?

Гилэстэл дотронулся рукой до рамы и распахнул окно. В зал ворвался птичий щебет. Помолчав, он негромко, безо всяких эмоций в голосе, ответил:

– Ты бы хотел видеть их мертвыми? Всех?

– Нет! – слишком уж поспешно ответил Эркель, подняв на беловолосого полуэльфа ставшие огромными глаза.

Гилэстэл усмехнулся и покачал головой.

– Как ты непостоянен. Тебя не поймешь. То ты сам отправляешь их на смерть, то не хочешь, чтобы они погибли. Знаешь, я, в общем-то, тоже не испытываю к ним прежней ненависти. Но, возможно, остальные, узнав, кто путешествует вместе с этой девушкой, не разделят наше мнение. Потому, лучше держать в тайне от остальных то, что двое спутников Вайры – королевские потомки. Ты меня понимаешь?

– Да, – прошептал Эркель. – Спасибо.

– Не за что, – пожал плечами Гилэстэл и повернулся. – Моё отношение к тебе, несмотря на эти слова, не изменилось. И решения своего я менять не буду.

– Я знаю, магистр, – Эркель опустил голову.

– Тогда иди.

Эркель повернулся и покинул зал, не оглядываясь. Гилэстэл смотрел ему вслед, покусывая нижнюю губу и щурясь. Потом отвернулся, и стал смотреть на сад. За спиной послышались неторопливые шаги, и Гилэстэл, не поворачивая головы, спросил:

– Что-то еще?

– Это я, магистр Гилэстэл.

– А, это ты, Астид. Какие-то вопросы?

Полуэльф кивнул.

– Можно узнать, почему...

– Почему я не сказал остальным об эльфах?

– Да.

– А как ты сам думаешь? – он повернулся и с интересом посмотрел на мага.

– Я не знаю, – растерянно повел рукой Астид. – Возможно, вы опасаетесь за их жизни, и...

Магистр рассмеялся, оторвавшись от окна, и снова удобно разместился в кресле. Астид остался стоять.

– Ох, Астид! Эта сказка годна для Эркеля, но разве ты в это поверишь?

– Честно говоря, с трудом, – усмехнулся тот.

– Вот-вот, честно говоря, – магистр перестал смеяться. – Именно что честно. Я опасаясь, Астид, перестать доверять остальным так же, как Эркелю. Кто знает, что может случиться, если они узнают, кто на самом деле эти двое. Конечно, я постараюсь, чтобы они попали ко мне в руки живыми, меня очень интересует, где они прятались на протяжении последних шести сотен лет. Но если хоть что-то будет вызывать у меня опасения, то...

Гилэстэл осекся, взгляд из-под сдвинутых бровей сверкнул безжалостным стальным лезвием.

– Магистр? – Астид решил нарушить тишину. – Магистр, означает ли это, что мне вы доверяете по-прежнему?

– Означает. Так что не разочаруй меня, Астид. А теперь оставь меня одного.

– Можете не сомневаться во мне, магистр, – маг быстро поклонился, и вышел.

Вечером того же дня Эркель провожал магов, отплывающих с острова на континент. Он стоял на берегу, наблюдая, как корабль Улле покидает Серую гавань, и с горечью посмеиваясь над рвением береговой охраны, не спускавшей с него глаз. Вместе с Улле отплывал и Лейнолл. Ему самому предстояло покинуть Норхет только завтра в сопровождении Иннегарда. Сзади слышались шаги, скрип прибрежной гальки под подошвами сапог, и к Эркелю подошел Ригестайн. Его корабль был уже готов, и маг подошел попрощаться. Эркель молчал, молчал и Ригестайн, вглядываясь в морскую даль так внимательно, словно надеялся увидеть там нечто важное. Эркель искоса взглянул на лицо мага. Оно было задумчивым и каким-то печальным. Почувствовав взгляд, Ригестайн повернул к Эркелю лицо и неожиданно подмигнул ему. Но лицо его оставалось по-прежнему серьезным.

– Вот так, Эркель.

– Что, Ригестайн?

– Гилэстэлу больше нет дела до своей империи. Теперь его интересы сузились до одного-единственного камушка, который в миллиарды раз меньше, чем все наши земли. И это именно в тот момент, когда мы можем лишиться их.

– Не преувеличивай, это всего лишь дикие племена. Что они могут сделать, что они могут противопоставить Унии? Ты действительно мнителен, Ригестайн.

– Мы привыкли видеть в них дикарей, Эркель. А это давно уже не так. Знаешь, как говорят – нельзя недооценивать врага и переоценивать друга. Так вот Гилэстэл явно переоценивает свои и наши силы, при этом не принимая во внимание возрастающую опасность. Ты спросил, что они могут нам противопоставить, так я скажу – численность. Их много. Очень много.

– Много? Сколько? Пятьдесят тысяч? Сто? Ригестайн, не впадай в панику, все утрясется. А насчет Гилэстэла ты неправ. Его волнует не наличие лореланта в своей сокровищнице, а именно судьба нашего государства.

– Возможно, я и ошибаюсь, – невесело усмехнулся Ригестайн. – Это со мной бывает иногда. Но все равно, у меня такое чувство, что мы больше не увидимся, Эркель.

– Ну-у, что-то ты совсем захандрил, – укоризненно протянул Эркель, и похлопал мага по плечу. – Не бери с меня дурной пример, это мой удел – большую часть жизни пребывать в состоянии тоски и депрессии. Вот увидишь, на следующем Совете магистр снова будет распекать тебя за недобрые вести с южных границ, а меня – за то, что я сделаю с Иннегардом, если он будет меня доставать.

– И что же ты с ним сделаешь? – губы Ригестайна тронула легкая полуулыбка.

Эркель наклонился, и зашептал ему на ухо. Ригестайн широко раскрыл глаза и рассмеялся, а Эркель, подняв брови, спросил:

– Ну?

– Так делают в степях?

– Нет, это моя собственная идея.

– Да ну тебя, – продолжая посмеиваться, отмахнулся от него Ригестайн. – Ладно, пора прощаться. Удачи тебе, Эркель. Прощай.

– И тебе тоже, Ригестайн. Еще увидимся.

Они обнялись, и черноволосый маг направился туда, где у причала покачивался на волнах его парусник. Эркель смотрел ему в спину, защищенную кольчугой, смотрел на шлем с пышным султаном, который он нес в правой руке, а левой поправлял на ходу ремень с ножнами, и вдруг осознал, что больше никто из магов, кроме Ригестайна, не носит этих вещей. Внезапно на краткий миг сердце сжала ледяная рука, и Эркелю показалось, что он действительно видит Ригестайна в последний раз. Но в этот миг полуэльф, шагнув на сходни, оглянулся и взмахнул рукой. Этот жест развеял ощущение беды, и Эркель, улыбнувшись, вскинул руку в ответ.

Глава 5

Они вынырнули из пелены в сумрачную комнату, освещенную слабым светом из окна, и теперь с удивлением озирались вокруг. Вера повернулась к Эркелю, который смотрел на них, насмешливо прищурившись.

– Это что, шутка? – угрожающе произнесла она. – На мой взгляд, весьма неудачная.

– Отнюдь, – маг усмехнулся. – Но я еще не закончил. Прошу.

Эркель повернулся, и, проследовав через всю прихожую его деревянного дома в Каргхотай, открыл входную дверь и вышел.

– Черт! – Вера выругалась. – Что он задумал?

– Может быть, так надо? – Анарниэльль пожала плечами, и двинулась вслед за Эркемем.

– Анарниэльль, подожди!

Сарлис устремился за ней. Тут и Вера с Ори не выдержали, и выскочили наружу. Слепленные ярким солнечным светом после полутемного помещения, они застыли на высоком деревянном крыльце. День был в самом разгаре, поселок бурлил жизнью, и вид внезапно появившихся из дома незнакомых людей привел в замешательство тех из варнингов, кто в этот миг оказался недалеко. Над этой частью поселка повисла недоуменная тишина, и вдруг в этой тишине прозвучал громкий крик Эркеля:

– Убить их всех!

Веру словно громом ударило и пригвоздило к полу. Анарниэльль и Ори тоже замерли, услышав приказ мага. Сарлис же, выхватив меч, бросился к Эркелю, и схватил его за вытянутую в их сторону руку.

– Ах ты, гадина!

Внезапно фигура мага побледнела, размываясь и расплываясь, как краска на бумаге под потоками воды, и эльф отшатнулся в испуге, увидев возле себя старуху-прислужницу. Перевоплощение возымело действие подобно тому, какое производит горящая ветка, брошенная на муравейник. Варнинги дружно взвыли, и бросились вперед, попутно выхватывая из ножен оружие и натягивая луки.

– В дом! В дом!

Крик Сарлиса привел Веру в себя, и она метнулась к открытой двери. Мия, хохоча и притопывая ногами, смотрела на их поспешное бегство, сама, однако убежать не пыталась. Внезапно смех её захлебнулся, превратившись в бульканье, и Вера, обернувшись, увидела, как старуха медленно оседает на доски, а в спине у неё торчит стрела. Вера развернулась и кинулась к ней.

– Вайра, оставь её, беги!

Истошный крик Ори не остановил её. Она подхватила еще живую старуху под мышки, и потащила к дверям. Та сопротивлялась, насколько ей хватало сил, и усиленно препятствуя Вере скрыться.

– Да брось ты её, брось! О, Валкун помоги нам!

Ори не выдержал, и, бросившись вперед, бесцеремонно подхватил царапающуюся служанку на руки.

– Скорее!

Вера нырнула за ним в дверной проем, успев увернуться от стрелы, пролетевшей в миллиметре от лица, и воткнувшейся в косяк. Дверь захлопнули и задвинули тяжелый засов. Снаружи по доскам затопали ноги, от криков степняков закладывало уши, дверь дрогнула под напором сильных ударов. Ори опустил старуху на пол, и все сгрудились вокруг неё, молча глядя в изрезанное морщинами лицо. Она же, открыв глаза, устремила торжествующий взгляд на Веру.

– Зачем? Зачем ты это сделала? – Вера наклонилась к умирающей.

– Он мой. Не-на-ви-жу те... бя, – протянула старуха, и перестала дышать, не отрывая остекленевших глаз от Веры. Ори протянул руку и закрыл их.

– Вайра. Вайра!

Голос эльфа заставил Веру очнуться. Она вновь услышала вопли снаружи и удары топоров в дверь.

– Вайра, попробуй открыть портал! Или нам конец.

– Да. Да, сейчас.

Вера вскочила, дрожащими пальцами расстегнула кошель у пояса и извлекла из него заветный стерженек. Она прислонилась лбом к шершавым дверным створкам, и, игнорируя шум, попыталась сосредоточиться. Ничего. Ключ бесполезной палкой торчал из замка.

– Ну же! Ну, давай, пожалуйста! На счет три – раз, два, три. Прошу тебя! Валарэ, ты же обещал, прошу! Прошу!

Вера молилась так, как никому и никогда раньше. Тщетно. Она ударила кулаком по двери и всхлипнула.

– Я не могу! У меня не получается!!!

Под её ударом дверь подалась, открылась, и Вера ввалилась в соседнюю комнату. Просторная, но обставленная достаточно просто и неприметно, гостиная. С деревянными стульями, квадратным столом, напоминающая дом Ори и Айны в Гленартане. И с большими окнами, в которых, к своему ужасу, она увидела множество прикинувших к стеклам лиц. Дружный рев, и стекла полетели на пол, а в воздухе засвистели стрелы. Её дернули сзади за одежду, и вытащили в прихожую. Ори подпер дверные створки широкой лавкой, стоящей у стены. Сарлис встал у входной двери, обнажив клинки. Анарниэльль, с наложенной на тетиву лука стрелой, напряженно смотрела прямо перед собой, на входную дверь, толстые доски которой уже подавались под ударами железа.

– Портал! Попробуй еще раз! – Сарлис крутанул мечи в руках.

Вера послушно повернулась и, понимая, что это бесполезно, все же снова попыталась сосредоточиться. Через пару минут, в сердцах сплюнув, она развернулась и выхватила из ножен меч.

– К черту! Придется драться.

Все оглянулись на неё. Ори усмехнулся, и, пригнувшись, выставил меч перед собой. Сарлис качнул головой, Анарниэльль решительно тряхнула смоляными кудрями. Вера смотрела на друзей, понимая, что выжить им сегодня поможет только чудо. Но в чудеса она так и не научилась верить. Внезапно знакомый, тихий звук заставил её насторожиться. Она повернулась, улыбка озарила её лицо, а руки дрогнули, когда она увидела, как сам собой поворачивается в замке Общий ключ.

– Сарлис! Ори! Смотрите!

Она с надеждой смотрела на замок. Но постепенно вместо радостного возбуждения ею овладело сомнение, а затем и откровенное непонимание. Стержень вращался все быстрее и быстрее, шелка и шипя, ускоряя своё движение. Из замочной скважины, сначала тонкой белесой струйкой, постепенно густея и темнея, потек дым.

– Это еще что за...? – прошептал за её спиной Ори. Сарлис и Анарниэльль тоже подошли ближе, с недоумением и возрастающим опасением глядя на бешеный танец металлического стрегня, раскалившегося докрасна, и валивший дым, уже рыжий и едкий.

– Быстро отсюда!!! Бегом наружу!!!

Первым понял опасность Сарлис, и, стремительной лаской мелькнув в воздухе, дернул засов на входной двери. Раздался грохот, и в прихожую ввалилось не менее десятка варнингов. Ошеломленные неожиданностью, они застыли на пороге, пытаясь разглядеть в густом тяжелом

сумраке фигуры врагов. Больше они ничего сделать не успели, потому что на них обрушился смертельный вихрь стальных клинков.

– Сарлис, там лучники!

– А здесь смерть! Все наружу! Держитесь вместе! Вайра, сможешь сделать щит?

– На всех?!

– Попробуй!

Они выскочили на крыльцо, разметаю густую толпу степняков ударами железа. Ори сильными, точными ударами широкого лезвия расчищал дорогу, сопровождая каждый взмах меча протяжным «Хэх!». Клинки Сарлиса вертелись, словно мельничные крылья в ураган, он молча косил варнингов, как тяжелые, толстые стебли репейника. Анарниэль умудрялась так ловко управляться в этой давке с луком, то используя стрелы, как штыки, то тетиву в качестве удавки, что Вера только диву давалась. Что до банальной стрельбы, то в этом степнякам было далеко до эльфийской принцессы. Сама Вера уже не дрожала при виде ран, наносимых её мечом, целенаправленно продвигаясь вперед.

Варнинги, поняв, что в ближнем бою справиться с пришельцами не так-то легко, отхлынули от них, предоставив дело лукам. Сарлис оценил ситуацию, и на бегу крикнул:

– Вместе! Не расходиться! Вайра, щит!

Они, стараясь не отставать друг от друга, и отбиваясь от наиболее настырных степняков, понемногу удалялись от дома на холме. Впереди Сарлис, с боков и чуть сзади Вера и Анарниэль, Ори прикрывал их сзади. Вера увидела, как в небо взвились стрелы, и, не останавливаясь, на бегу выкрикнула заклинание. Приблизившийся почти к самому её лицу острый наколеник заставил её испуганно пригнуться, но бессильно упал под ноги беглецам, наткнувшись на невидимую преграду. Варнинги разочарованно взвыли, и воздух снова наполнился звоном пронизывающих его стрел. Но щит был крепок, ни одна стрела не проникла внутрь невидимой оболочки, оберегающей друзей от острых жал. И тогда варнинги вновь бросились вперед.

В этот момент за их спинами раздался грохот. Разрывая в куски крышу, разметывая в стороны стены дома, вверх взвился столб огня, и всех, кто находился в близости, швырнуло на землю ударной волной. Ею же поносило легкие юрты варнингов, которые при виде этих разрушений в ужасе сами попадали на землю, закрывая руками головы. Вера на долю секунды потеряла сознание, ударившись о жесткую землю.

– Хватит разлеживаться! – Ори тряс её за плечо. – Надо убираться, пока они не опомнились.

Он подхватил Веру за руку, и они помчались вперед, в ту сторону, где их остался дожидаться Троди. Вера оглянулась.

– А где Сарлис и Анэль?

– Где-где. Вон, впереди! Не останавливайся.

Они покинули пределы селения, и теперь неслись по степи, путаясь в высокой траве, расчищая себе путь клинками. Поднявшись на пологий холм, Вера оглянулась на Каргхотай. В самой его середине неукротимым пламенем пылало то, что осталось от дома Эркеля. От горящих головешек, разметанных взрывом, занялись ближайшие к нему юрты варнингов, и они, прекратив преследование, в панике метались по селению, бросив все силы на то, чтобы потушить огонь.

– Вот гад, – Ори вытер лоб. – Ты подумай, Вайра, ему совершенно наплевать на то, что с ними станет. Там ведь женщины и дети. Ладно, вперед.

Они бегом спустились с холма, и увидели, что к ним навстречу верхом на коне Ори скачет огонь, держа поводья остальных лошадей. Борода его развевалась на ветру, а глаза были полны тревоги. Подскакав, он окинул друзей быстрым взглядом:

– Все целы?

Вера вскочила на Сорванца, эльфы вспорхнули на своих лошадях, а Ори, подхватив свою под уздцы, с усмешкой глянул на Троди:

– Кто сказал, что огоны не умеют ездить на лошадях? А ну-ка, подвинься.

Он уселся на коня, и, обернувшись, подмигнул огону.

– Спасибо.

– Да ладно, – довольно осклабился Троди.

Они развернули коней на юг, и помчались по широкой степи. Ори, опасаящийся погони, то и дело оглядывался назад, но равнина за ними была пуста. Лишь облако дыма высоко поднималось над полыхающим селением, становясь все меньше и меньше, пока совсем не скрылось из глаз. Тогда беглецы немного придержали коней, сменив галоп на быструю рысь.

На отдых остановились часов через шесть. Спрыгнув с лошади, Вера по неосторожности попала ногой в чью-то нору, чуть не вывихнув лодыжку. Это стало последней каплей, переполнившей чашу сегодняшних неудач. Она ударом сапога разворотила невысокий холмик и принялась копать, на чем свет стоит всех сусликов, мышей, кротов и прочих подземных обитателей. Ори лишь морщился, когда она загибалась что-то уж очень заковыристое, а огон, широко раскрыв глаза, восхищенно качал головой. Этого ей показалось мало. Под неодобрительными взглядами эльфов, спокойно спешившихся и располагающихся на отдых, Вера в сердцах металась по стоянке, с остервенением пинками выворачивая из земли невысокие колючие кустики. Кончилось тем, что она споткнулась, и, грязно выругавшись, шмякнулась на жесткую землю, прямо на одну из колючек. В ладонь впелись сотни маленьких иголок, заставив взвыть от боли, обиды, злости на самоё себя и весь мир. На этом её запас ярости исчерпался, и Вера, горестно взирая на занозы, торчащие из её ладони и пальцев, запрочитала:

– Ну почему!?! Почему!?! Это ж надо так обделаться! Попасться на этот дурацкий розыгрыш! Подставил нам старуху вместо себя! Где были мои глаза? Выглядеть ему, видите ли, прилично захотелось. Ну, попадись он мне еще раз! Нагишом пойдет, даже лопуха не дам прикрыться!

– Забавное будет зрелище! – хохотнул Троди.

Все дружно, в том числе и Вера, посмотрели на огона. Он кашлянул, и, отвернувшись к вьюкам, принялся рыться в них.

– Забавное? – произнес эльф, но глядя не на огона, а на Веру. В глазах его бился презрительный огонек. – Ручаюсь, тебе бы оно пришлось по вкусу, а, Вайра? Видимо, зрелище полуголого чародея настолько захватило тебя, что ты совершенно перестала контролировать свой разум. Кроме, разумеется, той его части, что отвечает за низшие инстинкты. О чем ты вообще думала, когда разрешила ему остаться одному?

Вера побагровела и уже открыла рот, чтобы короткой и ёмкой фразой указать эльфу то направление, в котором он должен был катиться вместе со своими предположениями, как вдруг натолкнулась на взгляд Анарниэль. Она стояла, глядя в сторону покинутого ими селения. Услышав слова брата, она повернулась, и Вера увидела её глаза. Они были задумчивы, печальны, но, в то же время, появилось в них что-то вроде тихой радости. Радости от встречи с тем, с кем она и не чаяла уже увидеться. Пораженная этим взглядом, Вера, пересилив себя, пробормотала:

– Прости, Сарлис, я действительно поступила опрометчиво. И глупо. Обещаю, в следующий раз такого не случится.

Несколько удивленный переменой в её голосе, эльф смерил её досадливым взглядом, все же умерив свой пренебрежительный тон.

– Может статься, что следующего раза не будет. Ладно, хватит об этом.

Вера, чувствуя, что снова начинает выходить из себя, не ответила и занялась вытаскиванием заноз из ободранной ладони. Троди, успевший во время перепалки соорудить достаточ-

ное количество бутербродов, обошел всех, и она, невзирая на плохое настроение, умяла три своих, и еще один, от которого отказалась Анарниэльль.

Солнце палило нещадно, и Вера, принухавшись к себе, поморщилась. Чужая кровь, разлагающаяся на жаре, и собственный пот создавали вокруг неё такой неповторимый аромат, что мухи и слепни со всей округи слетелись на него.

– Только этого еще мне не хватало! На скаку их хоть ветер сдувает.

С остервенением отгоняя от себя настырных насекомых, Вера металась по стоянке. Остальные были не в лучшем положении. Прихлопнув очередного жирного слепня, Вера взмолилась:

– Господи, пошли нам хоть ручеек! Иначе они меня живьем сожрут.

– Ближайший водоем в сутках пути отсюда, – наблюдая за её тщетными усилиями по разгону кровопийц, сказал эльф. Удивительно, но звенящий рой вокруг него был не в пример реже, чем над ней.

– Сутки? Я столько не вынесу, – протянула Вера. – Страсть, как помыться хочется. И попить.

– Вода в бурдюках, – подал голос огон. – Но советую экономить, еще неизвестно, как скоро можно будет пополнить её запасы.

– Троди прав. Вода только для питья. Чтобы не донимали насекомые,ними грязную одежду.

– И что, я голышом поеду? – возмутилась Вера.

– Тебя это смущает? – Сарлис присел на траву, развязал мех с водой, и, напившись, передал его Анарниэльль.

– Представь себе, да.

– Тогда можешь страдать дальше.

Эльф развалился на траве, прикрыв черные глаза и зажав в зубах длинную травинку. Анарниэльль, сидевшая неподалеку от брата, поднялась и подошла к Вере.

– Пей, – протянула она воду. – Не обращай внимания, иногда Сарлис бывает резок. А вот переодеться тебе действительно стоит. Просто смени рубашку, а кровь на брюках затри травой. Будет меньше пахнуть.

Вера приняла из рук эльфийки бурдюк. Вода была очень теплой и пахла шерстью. Напившись, Вера смочила края одежды и вытерла покрытое пылью лицо. Затем достала из выюка чистую рубаху, и переделалась. Грязную, подумав, свернула в тугой узел, и сунула в мешок. Пучками сочной травы затерла пятна на штанах, и прилегла на траву отдыхать. Но спокойно ей не лежалось.

– Куда мы теперь?

Она повернулась на бок, подложила руку под голову и взглянула на спутников. Троди курил, отсев подальше от остальных. Ори, последовав совету Анарниэльль, остервенело тер левую штанину травой. Подняв взгляд, он пожал плечами и кивнул в сторону эльфа.

– Сарлис!

– М-м?

– Куда мы теперь?

– Не знаю.

– Что значит – не знаю?

– А то и значит. Затяя с Олломаром провалилась, Эркель живехонек, зато мы чуть не отправились к праотцам. Лореланты за тысячи миль отсюда, на острове, куда добраться не так-то просто, и охраняет их не кто-нибудь, а сам Гилэстэл. И к тому же, теперь им известно о нас и нашей цели. Расклад просто потрясающий. Мозговой центр у нас ты, Вайра, вот ты и думай.

– Я? А...

Вера села и обиженно уставилась на эльфа. Он же, проигнорировав её взгляд, протянул руку и сорвал новую травинку взамен искусанной. Вера с полминуты понаблюдала за его равнодушным лицом, а затем поднялась. Молча, не произнося ни слова, она ухватила мешок, подошла к Сорванцу и притурукхла поклажу к седлу. Ори и Троди, переглянувшись, тоже оставили свои занятия, поспешно собрали с травы вещи, и проделали то же самое. Вера вскочила в седло, и, хлопнув коня по шее, шагом направилась в прежнем направлении – на юг. За ней, помедлив и оглянувшись на оставшихся эльфов, тронул коня и Ори.

– Вайра, куда ты?

Анарниэльль, с беспокойством наблюдавшая за действиями Веры, вскочила на ноги. Вера развернула коня.

– Вперед. Если идти вперед, то обязательно куда-нибудь придешь. А если валяться на траве, жуя траву, то можно превратиться в травоядное, с травой вместо мозгов. Прости, Анарниэльль, но твой брат порой просто невыносим. Я сама доберусь в Норхет, добуду камни, и вернусь с ними в храм. Мне помогут Ори и Троди. Не волнуйся, когда придет время, я сообщу эльфам об этом. Возвращайтесь в Долину, вас ждут ваши цветы. А меня ждет дорога. Но!

Вера легонько ударила Сорванца пятками, и он устремился в выбранном его наездницей направлении. Эльфийка постояла, молча глядя вслед удаляющимся всадникам, а потом повернулась к брату.

– Ну и...? Сарлис!

– Что? – эльф открыл глаза и поднял брови.

– Они уехали.

– Я не слепой, вижу.

– Так нельзя, брат!

– Как?

– Нельзя ссориться в пути!

– Разве я с ней ссорился?

– Ты её обидел!

– Я?! По-моему, это она только что назвала меня травоядным! Это мне надо на неё дуться, обижаться и что-то там еще!

– Сарлис, перестань! Ты задел её, она надеялась на твою помощь, на твою поддержку, а ты поступил как... как травоядное! Ты не был таким раньше, Сарлис! Что с тобой происходит? Ты понимаешь, что она может погибнуть без нашей помощи? Чего ты добиваешься? Ты знаешь этот мир вдоль и поперек, а она здесь чужая. Да, с ней Ори и Троди, но этого мало. Она слишком заметна, слишком открыта и слишком доверчива. Мы ей нужны. Ты как хочешь, но я отправляюсь за Вайрой.

Эльфийка отвернулась от брата, и направилась к лошадям.

– Анэль! Подожди.

Эльф поднялся.

– Я не сказал, что не пойду с ними. И я знаю, что нужно делать дальше.

– Тогда зачем это всё?

Эльф покачал головой и вздохнул.

– Хотел проучить её. Она меня раздражает. Изводит своей резкостью и бесшабашностью. Она как огонь – то еле теплится, то полыхает, обжигая всех вокруг. Ни рассудительности, ни здравомыслия. Одни эмоции. С ней нелегко.

Эльфийка с мягкой улыбкой смотрела на недовольное лицо брата, на прищуренные черные глаза под густыми ресницами.

– Тебе нравится, когда она говорит с тобой?

Он удивился вопросу. Подумав, ответил.

– В общем, да. Но по-моему, ей куда приятней общаться с Ори и Троди. Большую часть времени мы в дороге, или по разные стороны костра. Иногда, когда они спят, я смотрю на неё, и мне становится жаль.

– Чего?

– Той красоты, которую она не видит. Звезд над головой, сияния луны, плывущей в небе. Да и поймет ли она?

– Зря ты так о ней думаешь, Сарлис. У неё красивая и добрая душа. А то, что она тебя раздражает... Противоположности притягиваются.

– Нет!

Черные глаза протестующее блеснули. Эльфийка рассмеялась, и вскочила на лошадь.

– А ты, оказывается, не такой уж черствый, как я считала. Надо же – Сарлис, неприступный и холодный эльф, испытывает хоть какие-то чувства, кроме чувства долга!

Анарниэльль уже отъехала на несколько шагов, когда Сарлис поравнялся с ней.

– Анэль, пожалуйста. Прошу тебя. Мы всего лишь идем одной дорогой, которая в итоге разветвится. На той развилке мы расстанемся навсегда. Зачем тревожить души и сердца...

– Не волнуйся брат. Она узнает все от тебя самого. Или не узнает вообще. И еще кое-что – не будь так непримирим к её промахам. Критика критикой, но, все же, будь терпимее. Я понимаю, она не подарок. Но и мы далеко не идеальны.

Сарлис потупился, и Анарниэльль, глядя на расстроенное лицо старшего брата, снова рассмеялась.

– Едем, брат. Негоже бросать друзей в дороге.

Они догнали Веру, Ори и Троди через час с небольшим, и, как ни в чем не бывало, поехали рядом. Едущие на одной лошади Ори и огон радостно приветствовали эльфов. Вера, повернув к ним хмурое лицо с сосредоточенно сжатыми губами, ограничилась кивком. Но, отвернувшись, не сдержалась, и, зажмурившись, улыбнулась – «Да!».

Вечером, когда заходящее солнце, смилостивившись, умерило свой жар, когда ветер, шевелящий кисточки ковыля, уже не обжигал лица, когда надоевшее за день жужжание настырных кровопийц перестало тревожить слух, и в воздухе разлился мелодичный звон цикад, путешественники остановились на ночлег. Их окружала бескрайняя степь. Куда ни глянь – трава и небо, небо и трава. Поужинав, разлеглись на одеялах, молчали и смотрели в темнеющее небо. Одна за другой загорались звезды, и когда сумерки окончательно уступили место безлунной, прозрачной ночи, черная вуаль неба украсилась мириадами сверкающих огней. Вера, затаив дыхание и отчаянно борясь со сном, лежала с широко открытыми глазами, любуясь красотой ночи, давящей сердце непонятной тоской. Поодаль, нарушая идиллию, сопел Троди. Ори дышал тихо, но Вера знала, что, утомленный долгим днем, довгар спокойно спит.

Вера приподнялась, села на одеяле. Потревоженный её движением, завурукхался Ори.

– М-м? Вайра?

– Спи, Ори, спи.

– У-хм.

Она поднялась, и пошла в степь. На фоне звездного неба силуэты лошадей выглядели как темные облака. Сорванец фыркнул, почуяв хозяйку, но Вера прошла мимо, дальше и дальше от стоянки. Её окружала тишина, нарушаемая лишь шелестом трав под легким дыханием ночного ветерка. Ночь дышала умиротворением и покоем. Наполненный ароматами полыни и шалфея воздух был мягок и сладок, побуждая делать каждый вдох глубже предыдущего. Вера поднялась на небольшой холмик, и присела на его плоской вершине, став хоть ненамного, но ближе к звездам. Подняв лицо навстречу их ласковому свету, она замерла. Глядела, и все никак не могла наглядеться, вбирая в себя, впитывая, стараясь запомнить щемящую сердце и застилающую слезами глаза красоту ночи. И было отчаянно, невыносимо жаль, что не с кем поделиться своими чувствами.

Невдалеке, сидя в высокой траве, не замеченный, с тихим удивлением наблюдал за ней Сарлис. А потом она уснула, прямо на холме, а эльф, неслышной тенью поднявшийся на покрытый мягкой травой пригорок, всю ночь охранял её сон. Она видела звезды во сне, и улыбалась, думая, что видит их наяву, и он тоже улыбался, глядя на её лицо. Но, едва первый робкий луч восходящего солнца коснулся облаков, наплывающих с востока, он поднялся и вернулся к биваку. И голос, который разбудил Веру, был голосом Ори.

– Вайра! Вайра!

Она проснулась в прекрасном расположении духа, и, потянувшись, откликнулась на зов.

– Иду! Я здесь.

Все уже встали, и собирались в путь. Вера встретила взглядом с Сарлисом, который окинул её насмешливым взглядом, седлая коня. Вера дернула плечом и отвернулась.

– Вайра!

К ней подошла Анарниэльль, и, потянув за рукав, поманила за собой.

– Идем-ка.

– Куда?

– Умываться.

Они отошли от места стоянки настолько, чтобы их не было видно из-за травы. Эльфийка сбросила одежду, и опустилась на мокрую от росы траву. Вера, поняв идею, с восторгом её поддержала. Они со смехом катались по орошенной утренней влагой траве, и их тела, омытые от пота и грязи прозрачной холодной росой, словно наливались свежей силой, новой энергией для длинного дня. Вернувшись на стоянку, Вера украдкой взглянула на эльфа. Его черные волосы были влажными.

– Куда мы направимся? – задал мучающий всех вопрос Ори, когда все уже были в седлах.

– В Уросс, – откликнулся Сарлис. – Это город на берегу Южного моря.

– Сколько до него идти?

– Думаю, дней через двадцать будем на месте.

– Двадцать дней? – Вера аж подпрыгнула в седле.

– Есть другие предложения? – Сарлис взглянул на её расстроенное лицо.

– Да. Почему нам не пойти отсюда прямо в Норхет?

– По нескольким причинам, – тронув коня, эльф странно терпеливым тоном принялся их перечислять. – Во-первых, до самого Норхета отсюда около трех месяцев пути. Во-вторых, если мы пойдем на запад, то идти нам придется по землям Унии. Я больше, чем уверен, что после того, как Эркель сообщит о том, что произошло, Гилэстэлу, нас будут искать. В Уроссе этот риск намного ниже, этот город не входит в состав Унии. В-третьих, Норхет – это остров в Жемчужном море, и добраться туда можно только по морю. В Уроссе мы сможем нанять корабль, и за три недели доберемся до цели. Так как, мои аргументы достаточно весомы?

– Достаточно, – промямлила Вера, понуро опуская голову.

– Тогда вперед.

Эльф подстегнул коня, и они снова помчались по широким степным просторам, на юг. Степь была безлюдна, но не пустынна. Она жила своей собственной, не зависящей от людей, жизнью. В траве шмыгало, шуршало, попискивало, свистело на разные лады разнообразное зверье. В небе, когда не подними голову, нарезали круги на широких крыльях большие птицы. Мелкие пичуги жались поближе к земле, чуть что, ныряя вниз и прячась от хищников в шелковых зарослях ковыля, еще зеленого, не опушившегося серебристо-сизыми ниточками. И со всех сторон, не затихая ни на миг, слышалось чирканье стрепетов, звонкие трели кроншнепов, бой перепелов, которые, в основном, и служили добычей для путников. На стоянках нередко можно было услышать, как любопытные мыши-полевки, привлеченные запахами еды, шуршат у брошенных на землю выюков, норовя добраться до съестного. Нередко удавалось им видеть ласок и хорьков, промышляющих добычей этих самых мышей. У многочисленных

сурчин, словно почетный степной караул, на задних лапах сидели сурки, переключаясь между собой громким свистом, провожая путников настороженным взглядом черных глаз-бусинок, и при малейшем приближении к ним ныряющие, как в прорубь, в свои норы. А однажды Ори, вдруг сорвавшись с места на шорох за спиной, вернулся к бивуаку, неся в вытянутой руке за шиворот белесого лисенка-подростка. Лис отчаянно сопротивлялся, изворачивался, норовякусить пленителя, махал лапами, верещал и тявкал. Эльф неодобрительно покосился на довгара:

– Ну, и зачем он тебе?

– Девочек позабавить, – ответил тот, не выпуская звереныша из рук, улыбаясь и разглядывая добычу. – Ух, ты, какой злобный! Дикаренок. Не бойсь, не обижу. Вайра, Анарниэлли, глядите-ка, кого я вам принес.

Девушки подскочили одновременно, морща носы от умиления, сюсюкая и протягивая руки, чтобы погладить зверька. Он затих, повиснув в крепком кулаке и настороженно косясь на новых врагов.

– Кис-кис-кис, – коснулась мягкой шкурки Вайра, и тут же получила когтями по руке. Она ойкнула, лисенок извернулся и, вырвавшись из пальцев Ори, со всей возможной скоростью, перепрыгивая мешки и вьюки, юркнул в траву. Эльф не выдержал и рассмеялся.

– Молодец! Ай да лис! Вайра, это тебе не домашняя кошка. Это дикий зверь, хоть и маленький. Больно?

Последнее слово он произнес, сочувственно и немного насмешливо глядя на Веру.

– Да нет, ерунда, – Вера сама рассмеялась, глядя на поцарапанную руку.

Останавливались у редких колодцев, вырытых неизвестно кем и неизвестно когда. Большинство были пересохшими, но из некоторых можно было еще что-то выжать. Вода, с примесью песка и глины, желтого цвета, была глубоко. Доставали её, привязав котелок к длинной веревке, потом очищали, пропуская через несколько слоев ткани, отстаивали. Но и после этого все равно на зубах скрипел песок. Троди говорил, что здесь когда-то пролегали караванные пути. Сарлис с ним соглашался, и даже уточнял маршруты, по которым ходили караваны. Пару раз натыкались на родниковые ручейки, тоненькими ниточками сочившиеся по дну неглубоких овражков. Отсутствие дров было самым большим недостатком. Хорошо хоть летние ночи были теплыми и сухими. Да и разводить большие костры в сухой степи было бы делом неблагоприятным. Одна случайная искра могла натворить великих бед. Прежде, чем разводить огонь, очищали небольшую поляну, вырывая траву и обкапывая землю вокруг кострища.

С шестого дня пути поменяли направление, повернув к западу. А на одиннадцатый эльф своими зоркими глазами разглядел впереди движущийся в одном с ними направлении караван.

– Присоединимся, – не предложил, а скомандовал Сарлис. И все промолчали, потому что уже успели убедиться, что в большинстве своем решения эльфа бывали верными.

Караван догнали вечером. У большого, заботливо обложенного камнями колодца, в котором наконец-то оказалась холодная, свежая, как и полагается колодезной, вода, расположились люди и огоны, всего около полусотни душ, и примерно вдвое больше лошадей. Едва поравнявшись с пятачком, на котором, поодаль от остального состава каравана, расположились на отдых представители подгорного народа, Троди кубарем скатился с лошади и радостно завопил:

– Бражник! Чудила!

Навстречу ему поднялись двое длиннордых, широкоплечих и коренастых огонов, удивленно приглядываясь к Троди.

– Бирюк! – широко ухмыльнувшись, хлопнул себя по коленям один из них. – Гляньте-ка, как есть, Бирюк!

От костра к ним устремились еще огоны.

– Аа-а-га-га! – радостно рычал Троди. – Здорово, Вонючка! О-о-го! И Дударь тут!

И пошли объятия и приветственные хлопки по плечам и спинам, от которых у более тонко сложенных созданий, вроде Веры, треснули бы кости. А гогот стоял такой, что расседланные и освобожденные от поклажи низенькие мохноногие лошадки дружной гурьбой отбежали подальше от обрадованных встречей соотечественников.

Вера, Ори, Анарниэлль и Сарлис с интересом наблюдали за этой встречей. Эльф приподнял брови, и, усмехнувшись, тихо проронил:

– Бирюк? Умеют они давать прозвища. Боюсь даже представить, за что Вонючка своё получил.

Троди, вспомнив о своих спутниках, повернул к ним расплывшееся в восторженной улыбке лицо.

– Своих встретил! Надо же, в эдакой глуши! Это вот Борич Бражник. Это Буй Чудила. Это Вабор Дударь и Добор. А это мои друзья – Вайра, Ори, Анарниэлль и Сарлис.

Огоны степенно поклонились, и тот, которого Троди назвал Боричем, пробасил.

– Друзья Струодирона – наши друзья. Прошу к нашему костру.

Сарлис соскочил с лошади, и, склонив голову, ответил на приветствие.

– Благодарим за приглашение. Мы непременно им воспользуемся. Мне нужно увидеть караванщика, испросить разрешения следовать дальше вместе.

– Он там, – огон указал в направлении, где следовало искать караванщика. – Не возражаете, если Бирюк останется с нами?

Эльф улыбнулся и согласно кивнул головой, затем вскочил в седло, и они вчетвером, лавируя между кострами расположившихся на отдых людей, отправились искать начальника каравана. Им оказался маленький, худой, как саксаул, желтолицый человек с пронзительными узкими глазами. Его имя совершенно не подходило ему, будучи чуть ли не в три раза больше своего хозяина. Звали его Асахитсарах Эн Вуль Санкх. А голос, когда он, выслушав просьбу Сарлиса идти с караваном до Уросса, задал несколько вопросов, привел Веру в восторг. Удивительно низкий для такого щедушного тела, сочный и глубокий, словно специально созданный, чтобы отдавать команды и распоряжаться. Асахитсарах, внимательно выслушав ответы на вопросы и, для порядка, сделав вид, что сомневается, все же разрешил им присоединиться к каравану. Но поставил свои условия – по три монеты с каждого из вновь прибывших. Кроме того, мужчинам вменялось в обязанность охранять караван. Сарлис согласно кивнул, отсчитал положенное количество монет, и они со спокойной совестью отправились располагаться на отдых.

Сарлис решил не пренебрегать предложением Борича, и устроится на ночлег вместе с огонами. И поступил верно. Они радушно приняли их в свою компанию, но, то ли предупрежденные Троди, то ли будучи по природе своей сдержанными и уважающими чужие тайны, не стали расспрашивать новых спутников о цели их путешествия. Разговор крутился в основном вокруг незначительных событий в караване, цен на товары в прибрежных городах, да новостей из подгорных городов. Троди с жадным любопытством слушал своих соплеменников, радуясь, что может поговорить на родном языке. Из редких фраз на всеобщем Вера поняла, что огоны везли на продажу оружие, украшения, а на вырученные деньги собирались закупить ткани, шерсть, зерно. И, конечно же, табак. Уж до него огоны, все до единого, оказались охочи. Троди, непомерно ошастливленный тем, что может насладиться настоящим табаком, а не надоевшей травяной мешаниной, набил свой кисет под завязку. Радущие радушием, но, когда десяток трубок дружно задымил над поляной, Сарлис и Анарниэлль все-таки не выдержали и под каким-то незначительным предлогом ретировались подальше от Троди и его соплеменников. Ори же и Вера, будучи не так нетерпимы к этой привычке своего друга, мужественно остались на месте.

Утром, едва заря зарозовила темный небосклон, над степью разнесся голос Асахитсараха. Лошади были оседланы, вьюки погружены на повозки или спины животных, и неторопливой длинной змеей обоз пополз по степи. Люди ехали на лошадях, или в нагруженных подводах,

огоны предпочитали идти пешком за своими возами, запряженными варнингскими лошадами. Ори кивнул было Троди, приглашая в седло, но он, стеснительно взглянув на огонов, отказался, и пошел вместе с ними пешком.

Хотя у каравана была своя охрана, Сарлис и Ори добросовестно исполняли взятые на себя обязательства, и частенько, опережая медленно ползущий поезд, уезжали вперед, разведывая дорогу. Через пару дней Вера отметила, что кроме неё и Анарниэлль, женщин в караване больше не было. Она поделилась своим наблюдением с эльфийкой, но та лишь безразлично пожала плечами. В любом случае, две их фигурки, гарцующие на тонконогих лошадах, в полном боевом вооружении, вызвали у обитателей этого табора двойственные чувства – смесь острого любопытства и ироничного недоверия. И еще одну вещь с крайним неудовольствием заметила Вера – из пяти десятков следующих с караваном купцов дисциплина была налажена должным образом лишь у огонов. Люди по сравнению с ними были удивительно нерасторопны, суетливы и беспорядочны. Даже охрана каравана, которой полагалось бы неусыпно бдеть, спокойно храпела по ночам, пустив все на самотек. Ори лишь диву давался, но не вмешивался, справедливо считая это делом караванщика. Как-то он поделился с Верой мыслью, что, будь в караване хоть один довгар, он бы сгорел от стыда за такого соплеменника. К его полному удовлетворению, караван состоял в основном из тех, кого в Гленартане презрительно называли «западнюки», с ударением на последнем слоге – торговцы из районов Унии, прилегающих к землям довгаров с запада. А Вера с грустью подумала о том, насколько сильно в людях стремление к обособлению не только от других рас, но и внутри самих себя, делящихся на нации, дробящихся на кланы и рода.

Вскоре на пути стали попадаться небольшие селения с саманными лачугами, или просто постоянные дворы, стоящие прямо посреди степи, и предназначенные именно для отдыха караванов. Большой частью их хозяева напоминали своими манерами и внешностью отпетых мошенников, воругов и разбойников, что, в общем-то, было недалеко от истины. Волей-неволей, но Асахитсараха, вынуждены были бодрствовать, охраняя возы с товарами и почивающих под ними купцов. Сарлис и Ори, да и огоны тоже, всерьез начали опасаться нападения, и, как вскоре оказалось, не напрасно.

Глава 6

В неторопливом движении прошло еще две недели. По подсчетам Сарлиса, до Уросса оставалось не более двух-трех дней, когда произошло событие, нарушившее размеренное течение жизни каравана, и показавшее, кто чего стоит на самом деле.

Они покинули очередной постоялый двор на рассвете, солнце едва ли успело проделать половину своего пути до полудня, когда Анарниэльль, оглянувшись назад, встревожено окликнула брата. Сарлис подскакал к ней, и, напряженно взглядевшись в расстилающуюся за ними равнину, проронил:

– Ну, вот и дождались. Не иначе, как гостеприимный трактирщик постарался.

В клубках пыли, гикая и улюлюкая, за ними летел отряд человек в тридцать. До них было еще довольно далеко, но острым зрением эльф разглядел, что преследователи вооружены лишь мечами да дубинами. Ни у кого из них он не увидел лука или арбалета. Голос эльфа разнесся над караваном, нарушив дремотное постукивание копыт лошадей о жесткую землю и скрип деревянных колес.

– Разбойники! Живо, сбрасывайте мешки на землю, ставьте телеги в круг! Быстрее!

Первыми поняли его огоны. Мгновенно свалив с возов тяжелые тюки, звякающие железом, они выпрягли лошадей и, перевернув возы, устроили на дороге заслон. Следом, еще не вполне понимая, в чем дело, за дело взялись и люди. К Сарлису подскакал напуганный караванщик. Эльф указал ему на быстро приближающееся по дороге облако пыли, и Асахитсарах, глаза которого мгновенно из узких щелочек превратились в огромные блюда, завопил во всю мощь своего горла:

– Ай-йя! Быстро, быстро, сонные мухи! Повозки вали!

Через несколько минут все телеги были собраны в кучу, напуганные купцы забились под мешки с товаром, а немногочисленная охрана заняла свои позиции, укрывшись под защитой деревянных днищ. Как-то само собой получилось, что именно Сарлису пришлось взять на себя организацию обороны. С чем все беспрекословно согласились. – Вайра, Анэль, Ори! Вы – с луками наверх. Их немного, и у них только мечи.

И все трое через мгновение уже стояли на вершинах баррикады, натянув луки.

– Борич! Если прорвутся – ваш выход. Огоны, все десять, включая и Троди, молча кивнули, и, ухватив наперевес топоры, повернулись и замерли в ожидании. Ждать пришлось совсем недолго. Облако пыли остановилось метрах в пятидесяти, и медленно стало оседать на землю. Когда оно совсем рассеялось, глазам нападавших предстала картина, невероятно их развеселившая. На перевернутых возах, опираясь на длинный лук, стоял стройный черноволосый мужчина, спокойно, даже с каким-то интересом, разглядывающий разбойничью толпу. По правую руку от него, натянув такие же невиданной работы луки, стояли две девушки. Волосы первой живым золотом бились на степном ветерке, словно прирученное пламя, время от времени приоткрывая длинный шрам на правой щеке. Удивительно светлая кожа другой резко контрастировала с черными, как вороново крыло, длинными прядями. Сбоку от девушек стоял четвертый защитник каравана – высокий светловолосый воин, уже немолодой, с суровым лицом. В руках он так же, как и остальные, держал лук. Удивленные немногочисленностью караванной стражи, двое из которой к тому же оказались женщинами, грабители пришли в некоторое замешательство. Сарлис воспользовался паузой, и его голос был первым звуком, нарушившим тишину.

– Вам лучше уйти сейчас. В противном случае, обещаю, ни один из вас не останется в живых.

Ответом эльфу стал громкий хохот, свист и улюлюканье. Вперед выехал предводитель нападающих – невысокий, одетый во все белое, с лицом, замотанным белым шарфом так, что открытыми оставались лишь жирно подведенные черной краской глаза.

– Неужели в караване не осталось мужчин, что его охраняют женщины? – крикнул он звонко. – Нам не нужны ваши жизни. Нам нужно лишь то, что у вас в тюках. Ну, возможно, еще эти две красотки. Они будут славным украшением на пире в честь нашей победы.

– Ага, размечтался! На тебе уже саван одет! Попробуй, достань меня! – выкрикнула Вера.

Раздался хохот, подхваченный множеством глоток, и одетый в белое, подняв руку, указал на неё острием меча.

– Ты сказала!

Кони взвились на дыбы, и пыль из-под лошадиных копыт взметнулась вверх. У всадников в руках появились круглые щиты, прикрывающие их от стрел. Щиты щитами, но доспехов на нападающих не было, лишь на некоторых были надеты легкие кольчужные рубашки. За тот небольшой отрезок времени, что понадобился разбойникам, чтобы добраться до первых подвод, их число убавилось почти на треть. Остальные остались лежать на жесткой сухой земле, утыканные стрелами. Уроки, полученные Верой от Сольвен, не прошли даром, и подарок двух подруг-эльфик пришелся ей очень кстати. Вера метила в главаря, но он, словно стремительная змея, ускользал от её стрел, тем не менее, не отрывая от неё целеустремленного взгляда накрашенных глаз. Он первым подлетел к наваленным на дороге подводам, и в его руке вместо узкого меча оказался аркан. Бросок, и петля, со свистом рассекая воздух, устремилась туда, где только что стояла Вера. Вожак промахнулся, веревка лишь скользнула по шершавым доскам. В это время остальные всадники, на скаку ловко вскакивая на ноги на спинах своих коней, с налету пытались перепрыгнуть преграду из поставленных на бока возов. Двоих в самом начале их полета остановила Анарниэльль, один со всего размаха напоролся на меч Ори. Главарь, раздосадованный своей неудачей, взмахнул рукой, аркан свился спиралью, и вернулся в его руки. Отъехав на несколько шагов, и отыскав взглядом Веру, он снова принялся раскручивать его над головой. За белым шарфом, закрывающим нижнюю часть лица, угадывалась азартная ухмылка.

Стрелы кончились быстрее, чем ожидалось. Вера, забросив за спину лук, прыжком покинула высокий борт подводы и кинулась навстречу главарю, выхватывая меч. Сарлис, видя это безрассудство, предупреждая крикнул, но его оклик пропал втуне. Махнув рукой Ори и Анарниэльль, он мягко, словно лесной кот приземлившись на ноги, бросился за ней. В руках эльфа сверкнули две стальные молнии, и он оглянулся на бегу, чтобы убедиться, что Борич и его друзья идут следом. Он не ошибся в огонах. Едва ноги эльфа коснулись земли, как одна из телег, перегораживающих дорогу, рывком отъехала в сторону. Сверкая на солнце отточенными лезвиями секир, огоны ровным строем, как тяжелые несокрушимые каменные глыбы, двинулись вперед.

Вера, пристально следя за вьющимся в руках вожака смерчем, подбиралась к нему все ближе и ближе. Подведенные черной краской глаза следили за ней внимательно, как кошка следит за мышью, выбирая момент, чтобы одним молниеносным ударом прикончить зверька. Взмах белого рукава и лассо, свистя, как разъяренная змея, рванулось навстречу Вере. Но она, предугадав момент, бросилась вперед, под стремяна лошади, и, вцепившись в белую ткань, одним рывком стянула всадника с седла. Он оказался легче, чем она предполагала, и, хотя для него такой оборот был неожиданностью, все же вовремя сориентировался. Выронив в падении веревку, он ударом острого маленького кулака со всего размаха врезал Вере по скуле. Она от боли и неожиданности выпустила его, и он, откатившись, вскочил на ноги. Вера подняла на него наливающиеся злостью и слезами от пронзительной боли глаза, сплюнула кровь и зашипела, как кошка.

– Это ты зря...

Из-под белого шарфа послышался смешок, и главарь медленно вытащил из ножен узкий клинок.

Видя, что число обороняющихся резко возросло, грабители решили ретироваться. Их уже осталось не больше дюжины, и тягаться с тяжелыми секирами подгорного народа они не собирались. Всадники разворачивали коней, надеясь скрыться быстрее, чем до них доберутся огоны. Но не тут-то было. Стрелы Анарниэльль оказались быстрее, чем их кони. Один выстрел, и две стрелы, одновременно сорвавшись с её лука в стремительный полет, свалили на землю двоих. Борич, видевший это, лишь пораженно крякнул себе в бороду. Но и огоны оказались не промах. В прямом смысле слова. В руках у них появились чеканы, и еще несколько пытающихся уйти разбойников повалились под копыта своим лошадям, сраженные метательным оружием огонов.

Вера и одетый в белое человек кружили друг против друга на пыльном пяточке. Противник сделал пробный выпад, Вера парировала его, и в свою очередь попыталась дотянуться до жоака мечом. Он отпрыгнул, не позволив стальному лезвию коснуться себя. Подрисованные глаза вызывающе блеснули.

– Ну, куда же ты? – пробормотала Вера, подбираясь поближе. Стремительный бросок, но меч снова встретил пустоту. Белая ткань мелькнула слева, и раздался чуть более громкий, чем раньше, смешок. Противник явно издевался над ней. Вера выпрямилась, опустила оружие и раздраженно произнесла:

– Может, хватит пританцовывать вокруг меня? Или дерись, или уматывай отсюда.

– Хорошо, – мелодично ответил стоящий в вальяжной позе предводитель ватаги, и, словно смерч, обрушился на Веру.

Фехтовальщик он был отменный. Вере, чей опыт владения мечом ограничивался уроками Ори, и был проверен на немногих варнингах, не блиставших особой искусностью в этом деле, пришлось туго. Довгар был в первую очередь воин, и его простой практичный стиль не отличался филигранным изяществом. А перед Верой сейчас оказался мастер меча. Стремительный, увертливый, как мангуст, и такой же дерзкий, он вертелся волчком, не позволяя подойти к себе, отвлекая обманными движениями, направляя все силы на то, чтобы измотать противника, а потом добить его, обессиленного, одним точным ударом. Вера слишком поздно поняла, во что ввязалась. Она больше не пыталась атаковать – лишь бы хватило сил парировать удары, отвести сверкающий клинок от себя. Злость на саму себя, на свое показушничество, мешала ей сосредоточиться. Куда как проще было бы уложить его стрелой из лука! Она лихорадочно принялась перебирать в уме способы прекратить этот поединок, который вполне мог иметь для неё весьма печальные последствия. В том, что обычными методами ей с противником не справиться, не было ни малейших сомнений. Она, улучив момент, бросила взгляд в сторону каравана. Удивилась. Возмутилась. И разозлилась еще сильнее. Да и было от чего.

Видя, что напавшие на них разбойники перебиты, купцы и прятавшаяся с ними вместе стража стали понемногу выбираться из-под защиты деревянных бортов своих возов. Пораженный скоростью, с какой четверо недавних спутников расправились с почти тремя десятками грабителей, весь состав каравана с благоговением и опасением взирал на них. Определенная доля уважения досталась и огонам, так дружно выступившим в защиту людей. Но Ори, Анарниэльль и Сарлису не было дела до лавров победителей. Их больше беспокоила ситуация, в которой оказалась Вера. Пока подстегиваемая громкими криками и ругательствами Асахитсараха караванная стража стаскивала тела убитых в одну кучу, остальные собрались там, где происходил поединок. Образовался полукруг, на котором, уже почти изнемогая от мелькания белых рукавов перед глазами и все менее удачных попыток увернуться от смертоносного лезвия, топталась в клубах пыли Вера. Впереди, пристально следя за ходом дуэли, стояли эльфы, Ори и все десять огонов. Ори посерел от напряжения, и уже неоднократно порывался кинуться на помощь своей дочери, но сильная рука Сарлиса, сжимавшая его предплечье, удерживала его

на месте. Анарниэльль, подавшись вперед, с волнением наблюдала за подругой. Вот Вера пропустила удар, тонкое лезвие мелькнуло в миллиметре от её груди, и эльфийка, ахнув, повернулась к брату.

– Он её сейчас прикончит! Сарлис! Я больше не могу на это смотреть.

Она подняла лук, но эльф, сам с немалым волнением наблюдавший за поединком, уверенно покачал головой.

– Она не так слаба, как ты думаешь. Она справится.

Эльф, как всегда, оказался прав. Вера справилась, применив то оружие, которым владела искуснее, чем её противник – магию. Поставив очередной блок, с трудом увернувшись от направленного ей в ноги удара, Вера рванулась навстречу противнику из заведомо невыгодной позиции, вытянула руку с мечом в сторону жоака и полностью открылась. Со стороны это выглядело как чистое самоубийство. Противник, обрадовавшись предоставляющемуся шансу, подался вперед с намерением проскочить под поднятым на уровне груди клинком девушки с тем, чтобы поразить её в незащищенный живот. По толпе, собравшейся вокруг пяточка, пронесся разочарованный вздох. И вздох превратился в изумленный возглас, когда одетый в белое человек, как подкошенный, навзничь рухнул на землю, взметнув серое облако пыли, да так и остался лежать.

Большой частью никто, за исключением разве что четырех друзей, не понял, что произошло на самом деле. Для всех это выглядело так, словно Вере невероятно удачным ударом удалось поразить противника прямо в грудь. Дорожная пыль, которой были окутаны оба в этот миг, не позволила уловить детали. Но именно это и было нужно Вере – ей не хотелось, чтобы весь обоз знал, что она чародейка.

Руку покалывало, пальцы, сжимающие рукоять меча, сводило легкой судорогой. Концентрация энергии при ударе оказалась больше, чем она того хотела. Вера сокрушенно покачала головой, надеясь всё же, что человек, неподвижно лежавший в нескольких шагах от неё, жив. Она подошла, присела над ним. Коснулась груди, надеясь услышать биение сердца. Напрасно. Протянула руку, осторожно стянула с лица посеревшую от пыли ткань и, посмотрев, отвернулась, кусая губы. Совсем еще юный, обладающий какой-то женственной красотой, паренек. Нежное, с гладкой кожей, по-детски округлое лицо с легким темным пушком на щеках, тщательно подведенные для большего эффекта глаза под удивленно вздернутыми тонкими бровями. И струйка крови, медленно стекающая по щеке из приоткрытого рта.

– Совсем еще мальчишка. А с первого взгляда и не скажешь, – слышался над ухом голос Ори.

Вера поднялась. Ей было невыносимо стыдно и противно. С раздражением кинув не запятанный меч в ножны, она развернулась и пошла к возам сквозь толпу, собирающуюся, чтобы посмотреть на её удивительного противника. Её догнал эльф, и, тронув за плечо, улыбнулся:

– Ты превзошла саму себя.

– Спасибо, – не оглядываясь и не замедляя шаг, буркнула в ответ Вера.

– Ты не рада?

– Чему? – не останавливаясь, мрачно поинтересовалась она. – Тому, что уколошила ребенка?

– Ребенка? Ты сказала – ребенка?! Позволь тебе напомнить, что это «дитя» только что чуть не уколошила тебя саму. Он воин, Вайра, причем весьма грозный.

– Он был воином до того, как его сердце остановилось. Теперь на земле лежит просто мальчишка, которому бы еще жить да жить.

– Отправляя на тот свет других, и грабя караваны? Опомнись, Вайра! Ты чудом избегла смерти, и теперь сожалешь о том, кого убила, обороняясь. Воистину, ты – анахронизм этого мира.

Вера остановилась и повернулась к эльфу. Глаза её были грустными.

– Пусть так. Пусть я анахронизм. Да, я никогда не смогу спокойно смотреть на льющуюся кровь, на умирающих у моих ног людей, даже если они хотели причинить мне вред. Я не смогу походя прирезать кого бы то ни было только потому, что он мешает мне пройти или косо на меня смотрит. Я именно так воспитана. И боюсь, что перевоспитать меня, изменить меня уже не удастся.

Она повернулась и пошла прочь. Сарлис некоторое время постоял, опустив глаза на ржаво-серую поверхность дороги и мыском сапога сгребая в кучку пыль. Потом поднял голову.

– Когда-то давно я думал так же, как ты. Надеюсь, то время, что отведено тебе, не успеет изменить тебя, сделать тебя иной.

Вера была еще недалеко и услышала его слова. Но не ответила. Сарлис постоял еще, а потом, намеренно резко наступив на насыпанный курганчик, повернулся к столпившимся вокруг тела юноши людям.

– Асахитсарах! Прикажи твоим людям собираться. А тела надо сжечь.

– Ай-йя, – Караван-баши кивнул головой и махнул рукой охранникам. – Эй, вы, отволоките его в общую кучу. Суллама, тащи масло, надо их чем-то облить. Что? Да, да, за мой счет, скряга ты этакий! Собирайте возы, грузите поклажу, в путь!

Купцы и их подручные принялись поспешно растаскивать телеги и возы, складывать на них товары, переругиваясь и разбирая тюки, мешки и корзины, в беспорядке сваленные на землю. Анарниэлль и Ори собрали стрелы. Караванная стража занялась тем, что побросала тела убитых в несколько штабелей, как дрова, и, натолкав между ними сухой травы и скупко побрызгав маслом – Асахитсарах оказался не так щедр, как можно было подумать – подпалила. Вера смотрела на эти корявые похороны, осторожно растирая болевшую скулу, пробуя языком прикушенную щеку и чувствуя себя до крайности погано.

Мимо промчался один из подручных Сулламы с пустой амфорой из-под масла в руках. Розовая капля, сорвавшись с горлышка, упала Вере на запястье, марая кожу сладким запахом. Она подняла руку, наблюдая, как капелька, оставляя на коже блестящую дорожку, сползает к локтю, и исчезает, размазываясь. Долетающий от костров запах горелого мяса смешивался с приторным сладким ароматом благовоний. Вера возненавидела его на всю жизнь.

– Мерзость, гадость.

Она нагнулась, черпанула полной пригоршней из конской лепешки навоз, и под брезгливыми и удивленными взглядами оказавшихся поблизости людей растерла его по руке до самого локтя, перебивая запах масла.

Караван уже тронулся в путь, а она все стояла и смотрела, как жадно и торопливо огонь пожирает корчащиеся в его пламени тела. Сорванец топтался рядом, обеспокоенный и нервничающий оттого, что Вера не торопится вдогонку удаляющемуся обозу. Он то отбегал, словно звал её, то принимался негромко ржать. Вера все стояла, не в силах оторвать взгляда от обугленных костей, от зловеще ухмыляющихся черепов с пустыми глазницами, сравнивая то, что видела сейчас, с тем, чем они были недавно. Не то чтобы она успела привыкнуть к подобным зрелищам, но оно не вызывало у неё того ужаса, который, возможно, она испытала бы, доведись ей увидеть такое в своем мире. Она вспомнила первого человека, убитого ею – варнинга в лесу, поджидающего её с луком в руках. Ей вдруг стало страшно. Страшно от слов, которые произнес эльф часом раньше. «Мне уже не страшно убивать. Меня не трясет при виде крови. Но разве к этому можно привыкнуть? Неужели я все-таки меняюсь?»

Сорванец сунул нос ей под мышку, она подняла руку и потрепала его по холке. Потом перекинула уздечку ему на спину и скакнула в седло. Предоставив коню самому выбирать темп, Вера отправилась вдогонку каравану. Она беспокойно ерзала в седле, мучимая неясной мыслью, словно упустила нечто важное. Обернувшись, она поняла и побледнела. Дым. Снова дым

за её спиной. Жаркое колыхающееся марево, наполненное жирной копотью и пеплом. За ней по пятам шла смерть.

Вскоре она догнала караван, и пристроилась в его хвосте, сразу за огонами. Тело требовало движения, и, спрыгнув на землю и держа уздечку в руке, она пошла пешком. Троди заметил её присутствие, и, немного поотстав от своих, пошел с ней рядом.

– Ты в порядке?

– Да, Троди, спасибо. Я не вижу Ори и остальных, где они?

– Впереди. Асахитсарах зачем-то позвал их. Фу, чем от тебя воняет?

Огон принялся к Вере

– Дерьмом. Дерьмом и падалью.

Вера резко вскочила на коня, и, покинув ничего не понявшего Троди, поехала вперед, вдоль каравана, высматривая друзей. Ей зверски, прямо таки невыносимо хотелось с кем-нибудь подраться, поругаться, просто так, сорвать злость на первом попавшемся под руку, выплеснуть эмоции.

Она увидела их возле головного веза, рядом с караванщиком. Желтое сухое лицо Асахитсараха светилось удовлетворением, он беседовал с Сарлисом. Анарниэль и Ори ехали чуть сзади. Вера подскакала и, осадив коня перед самым носом караванщика, пристроилась с другой стороны. Асахитсарах, в узких глазах которого мелькнуло опасение, мгновенно расплылся в любезной улыбке. Но улыбка стала страдальческой, едва он ощутил исходящий от девушки запах. Вера это заметила, и подъехала почти вплотную к нему.

– Ну что, Асахитсарах, – нарочито развязным тоном начала Вера. – Как насчет рассчитаться?

– Насчет... Чего?

– Не прикидывайся глухим, старик. Разве не я и мои друзья только что спасли тебя и всю эту братию от разорения, а? Мы рисковали своим здоровьем, жизнью, наконец. И что в итоге? Пара любезных улыбок? Так не пойдет, Сахи.

– Г-госпожа шутит? – глаза желтолицего наполнились страхом.

– Нет, караванщик. Это не шутка. Я не шучу с деньгами. Как, впрочем, и со смертью. А ты? – она наклонилась, приблизив лицо вплотную к лицу Асахитсараха, и ухватив его за плечо перепачканной в навозе рукой. Караванщик пискнул, и попытался освободить плечо. Вера улыбнулась. Длинный шрам на щеке и обнаженные клыки, влажные от слюны, возымели свое действие. Глаза Асахитсараха помутнели от ужаса, он затрясся в седле, замотал головой и заныл.

– А-а.. г-госпожа-а-а, не надо-о-о. Не убивайте меня. Что вы хотите? Что вам нужно? Я просто старый, бедный караванщик, не убивайте меня, о-о-о...

Вера оттолкнула от себя трясущегося человека. На белой ткани, покрывающей плечи, остался грязный, скверно пахнущий отпечаток.

– В то, что ты стар, верю охотно. А вот насчет того, что беден... В общем, так – за услуги, оказанные моими друзьями твоему каравану, с тебя сотня монет.

Асахитсарах взвыл. Упоминание о деньгах мгновенно вывело его из ступора.

– Сотня?! Госпожа, в своем ли вы уме? Я...

Вера снова вцепилась в плечо караванщика, потянув на себя, и прошипела ему в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.